

Повесть
о самообороне,
которая
стала
преступлением

Для родителей,
готовых защищать
своего ребёнка - в школе и в суде

КАМЕНЬ

ЕГОР БЕСКАРАВАЙНЫЙ

Для родителей,
которые думают,
что это их не коснётся

НИКТО КРОМЕ ТЕБЯ

Для родителей, чьи дети молчат

Для родителей, которые хотят знать, что делать

Егор Бескаравайный Камень

<https://litres.ru/74605474>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятнадцатилетний Алексей Соболев три месяца терпел травлю. Отдавал деньги, скрывал синяки, врал матери. Когда трое старшеклассников избили его за спортзалом, он схватил камень и ударил. Один раз.

Теперь нападавший – в коме. Алексей – в СИЗО. Следователь говорит «умышленное причинение тяжкого вреда», прокурор требует реального срока, родители потерпевшего – влиятельные люди. У Алексея есть только мать, отец, вернувшийся из Мурманска, и адвокат по самообороне, которая берётся за безнадёжные дела.

Это история о том, как закон защищает тех, кто защищается. О том, что такое необходимая оборона – и почему за неё не сажают. О том, как один удар может стать приговором, а может – оправданием.

Книга основана на реальной судебной практике. Все юридические процедуры, экспертизы и цитаты из Постановления Пленума ВС РФ 19 приведены в соответствии с действующим законодательством.

Для широкого круга читателей. 16+.

Содержание

Аннотация	4
ВАЖНО	6
ОТ АВТОРА	7
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	11
ПРОЛОГ. ТРИ ДОКУМЕНТА	14
ГЛАВА 1.1. «СЧЁТЧИК»	16
ГЛАВА 1.2. «ТЫ НИКТО»	24
ГЛАВА 1.3. «ВАШ СЫН ЗАДЕРЖАН»	33
ГЛАВА 1.4. «ГОРЕЛОВА»	42
ГЛАВА 1.5. «ПОКАЗАНИЯ»	52
ГЛАВА 1.6. «МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ»	59
ГЛАВА 2.1. «ПСИХОЛОГ»	67
ГЛАВА 2.2. «СПЕЦИАЛИСТ»	76
ГЛАВА 2.3. «ОЧНАЯ СТАВКА»	82
ГЛАВА 2.4. «ОЖИДАНИЕ»	89
ГЛАВА 3.1. «ВСТАТЬ, СУД ИДЁТ»	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Камень

Аннотация

Пятнадцатилетний Алексей Соболев три месяца терпел травлю. Отдавал деньги, скрывал синяки, врал матери. Когда трое старшеклассников избили его за спортзалом, он схватил камень и ударил. Один раз.

Теперь нападавший – в коме. Алексей – в СИЗО. Следователь говорит «умышленное причинение тяжкого вреда», прокурор требует реального срока, родители потерпевшего – влиятельные люди. У Алексея есть только мать, отец, вернувшийся из Мурманска, и адвокат по самообороне, которая берётся за безнадежные дела.

Это история о том, как закон защищает тех, кто защищается. О том, что такое необходимая оборона – и почему за неё не сажают. О том, как один удар может стать приговором, а может – оправданием.

Книга основана на реальной судебной практике. Все юридические процедуры, экспертизы и цитаты из Постановления Пленума ВС РФ № 19 приведены в соответствии с действующим законодательством.

Для широкого круга читателей. 16+

«Оборонявшийся – не преступник, пока не доказано обратное».

– Елена Горелова, адвокат

Повесть о том, как один удар камнем разделил жизнь на «до» и «после».

Архангельск, 2026

ВАЖНО

Информация в книге не является юридической консультацией.

Для решения конкретных вопросов рекомендуется обратиться к квалифицированному юристу или адвокату.

Автор не несёт ответственности за возможные последствия любых действий, предпринятых читателем на основании информации из книги.

ОТ АВТОРА

Все персонажи этой повести вымышлены. Любое сходство с реальными людьми, живущими или жившими, является случайным. Реальные государственные органы, должностные лица, адвокаты, судьи и эксперты упоминаются исключительно для создания достоверного фона повествования. Судебные прецеденты, описанные в тексте, взяты из официальных обзоров судебной практики и являются реальными. Мнения и поступки персонажей не отражают позицию каких-либо государственных органов или профессиональных сообществ.

Эта повесть родилась из статистики.

Не из одного конкретного дела, как повесть «Предел», а из десятков и сотен историй, которые каждый год происходят в российских школах. Историй, о которых не пишут в новостях, пока не случится трагедия. Историй, в которых жертва и агрессор меняются местами – и жертва становится обвиняемой.

Подростковая травля – это не просто «конфликты в школе». Это систематическое насилие, которое ломает психику, разрушает здоровье, а иногда приводит к тому, что загнанный в угол ребёнок хватается за первое, что попало под руку. И тогда начинается уголовное дело. И тогда вчерашняя жертва становится подсудимой. А настоящие агрессоры – те,

кто травил, избивал, унижал, — оказываются потерпевшими.

Закон о необходимой обороне в России существует. Статья 37 Уголовного кодекса, Постановление Пленума Верховного Суда, десятки судебных решений, в которых оборонявшиеся признаны невиновными. Но когда речь идёт о подростках, система работает иначе. Здесь появляются особенности: возраст, процессуальные гарантии, обязательное участие психолога, законных представителей, комиссии по делам несовершеннолетних. И разобраться в этом переплетении норм и процедур без грамотного адвоката почти невозможно.

Эта книга — о том, что даже в самой тёмной ситуации есть надежда. О том, что закон — не враг, если знать, как им пользоваться. О том, что родители, которые вовремя оказываются рядом, могут изменить всё. И о том, что иногда один человек — адвокат, учитель, друг — способен переломить ход событий.

Эта книга — не отражение среднестатистической судебной практики.

Если говорить честно, оправдательные приговоры по делам о необходимой обороне в России — редкость. Меньше одного процента от всех дел. Система часто работает против того, кто защищался. Следователи видят умысел там, где был страх. Судьи — превышение там, где была оборона.

Но это не значит, что бороться бесполезно. Это значит, что без подготовки — не справиться.

Представьте: вы купили автомобиль. Вы же не садитесь за руль, не зная правил дорожного движения? Вы учите их, сдаёте экзамен, получаете права. Потому что без этого вы либо не доедете, либо попадёте в аварию. Так и с законом. Если вы не знаете своих прав – вы не знаете, как ими пользоваться. А в критической ситуации это знание может стоить вам свободы.

Эта книга – как учебник вождения. Только не для автомобиля, а для вашей жизни. Она не гарантирует, что вы выиграете дело. Но она показывает: если у вас есть хороший адвокат, если вы знаете закон, если вы не признаёте вину на первом допросе – у вас есть шанс. Тот самый шанс, которого лишены те, кто молча подписывает протокол, не читая.

Эта книга – о том, как должно быть. О том, как работает закон, когда его правильно применяют. И о том, что для этого всё-таки нужен адвокат.

Все нормативные акты, упомянутые в повести, – реальные. Приказ Минздрава № 172н, Постановление Пленума Верховного Суда № 19, статьи Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации – всё это действующее законодательство.

Практические приложения, завершающие книгу, – не декорация. Это рабочие инструменты. Чек-листы, образцы документов, памятки – всё это может быть использовано в качестве примеров. Если с вами или вашим ребёнком случится беда, похожая на описанную в этой книге, вы сможете от-

крыть приложения и понять, что делать.

Я надеюсь, что эта книга поможет тем, кто молчит. Тем, кто боится. Тем, кто думает, что выхода нет. Выход есть. Не бойтесь говорить. Не бойтесь просить помощи. Не бойтесь защищаться.

Потому что человек, который защищает свою жизнь, – не преступник.

Он – выживший.

И закон должен быть на его стороне.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Семья Соболевых

Соболев Алексей Игоревич, 15 лет

Девятиклассник. Главный герой. Защищаясь от группового избиения, нанёс удар камнем.

Соболева Анна Викторовна, 42 года

Мать Алексея. Бухгалтер.

Соболев Игорь Петрович, 47 лет

Отец Алексея. Инженер. Живёт в Мурманске, приезжает после ареста сына.

Нападавшие

Шаров Максим Сергеевич, 17 лет

Одиннадцатиклассник. Занимается ММА. Систематически травил и избивал Алексея. Потерпевший.

Игнатов Дмитрий (Игнат), 17 лет

Одиннадцатиклассник. Из компании Шарова. Ведомый. На очной ставке лжёт.

Кирилл (Кириллов), 16 лет

Десятиклассник. Из компании Шарова. Единственный, кто говорит правду на следствии.

Потерпевшая сторона

Шаров Сергей Владимирович, 47 лет

Отец Максима. Предприниматель. Спонсор школы. Требует максимального наказания для Алексея.

Шарова Елена Дмитриевна, 44 года

Мать Максима. Идеализирует сына, отвергает любые обвинения в его адрес.

Школа

Малышева Тамара Николаевна, 58 лет

Директор школы. Озабочена репутацией, склонна замалчивать проблемы.

Полина Андреевна, 26 лет

Классный руководитель Алексея. Учительница математики. Единственная из педагогов заметила синяки. Уволилась в знак протеста.

Настя, одноклассница

Свидетель защиты. Рассказывает о травле на следствии и в суде.

Защита

Горелова Елена Михайловна, 38 лет

Адвокат. Специализация: необходимая оборона. Кредо: «Оборонявшийся – не преступник, пока не доказано обратное».

Волин Борис Аркадьевич, 68 лет

Специалист (ст. 58 УПК РФ). Бывший судебно-медицинский эксперт. Готовит альтернативное заключение.

Обвинение

Рукавишников Андрей Васильевич, 50 лет

Старший следователь СК РФ. Ведёт дело. Профессионал, но с обвинительным уклоном.

Володина Инна Сергеевна, 45 лет

Государственный обвинитель. Опытный прокурор.

Зиновьев Григорий Петрович, 55 лет

Судебно-медицинский эксперт. Проводит экспертизу по делу.

ПРОЛОГ. ТРИ ДОКУМЕНТА

Документ 1. Из заключения судебно-медицинской экспертизы

№ 1247 от 24 октября

«...У Шарова М.С. выявлена закрытая черепно-мозговая травма: внутримозговая гематома левой височной области, трещина височной кости, ушиб головного мозга средней степени, осложнившийся комой. Данное повреждение квалифицируется как тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, поскольку кома любой степени относится к угрожающим жизни состояниям (п. 5.1.2.3 Порядка определения степени тяжести вреда, утверждённого Приказом Минздрава России от 08.04.2025 № 172н). Удар нанесён тупым предметом с неровной поверхностью. Взаимное расположение потерпевшего и нападавшего в момент удара: потерпевший находился в наклоне вперёд, нападавший – лёжа на спине. Удар нанесён однократно, снизу вверх. Признаков «контрольного» добивания не обнаружено...»

Документ 2. Из протокола допроса несовершеннолетнего подозреваемого Соболева А.И. от 19 октября

«...Я не хотел его калечить. Я просто хотел, чтобы он перестал меня бить. Они меня втроём избивали, я лежал на земле, закрывал голову руками. Шаров наклонился, схватил меня за волосы и сказал что-то про мать. Я не помню, что

именно. Я схватил камень и ударил. Один раз. Я не помню, с какой силой. Я не помню, куда целился. Я просто хотел, чтобы всё прекратилось...»

Документ 3. Из показаний свидетеля – классного руководителя

«...Я видела синяки у Соболева за неделю до драки. На скуле и на руке. Спросила – он сказал «упал». Я не поверила, но он замкнулся, и я не стала давить. Теперь понимаю, что должна была. Если бы я настояла тогда – может быть, ничего бы не случилось. Он был очень бледный в тот день. Сидел за партой и смотрел в одну точку. На моём уроке он написал на полях тетради: «Я больше не буду бояться». Я запомнила эту фразу...»

ГЛАВА 1.1. «СЧЁТЧИК»

Середина октября в Архангельске – это когда утром выходишь из подъезда, а под ногами уже хрустит первый ледок на лужах. Светает поздно, темнеет рано, и большую часть дня мир существует в каком-то сером полумраке. Школьники идут на учёбу с фонариками на телефонах, хотя фонарики эти – скорее для вида: городские улицы освещены, просто хочется хоть какого-то собственного света.

Алексей Соболев фонариком не пользовался. Он вообще старался быть незаметным – шёл вдоль стеночки, капюшон толстовки надвинут на глаза, руки в карманах. Обычный девятиклассник, каких в любой школе сотни. Не отличник и не двоечник, не спортсмен и не толстяк, не красавчик и не замухрышка. Серый. Незаметный. Такой, про которого на родительском собрании говорят: «А это чей?»

Но в этом была своя стратегия. Алексей давно понял: чем меньше ты высываешься, тем меньше по тебе быют. Проблема была в том, что бить по нему начали всё равно.

Школа номер восемнадцать стояла на окраине Архангельска – серая четырёхэтажная коробка, обшарпанная, с трещинами на фасаде и вечно протекающей крышей над спортзалом. Вокруг – такие же серые девятиэтажки, пара чахлых сквериков, «Пятёрочка» и остановка автобуса. Обычный спальный район, где все друг друга знают, а если не зна-

ют – значит, ты здесь недавно.

Алексей здесь жил всю жизнь.

В то утро он вышел из дома в семь пятнадцать. Мать уже убежала на работу – она уходила рано, возвращалась поздно. На кухне осталась записка на стикере: «Каша в микроволновке. Деньги на обед в шкафу в конвертике на кухне. Позвоню вечером. Целую, мама».

Конверт лежал в шкафу. Триста рублей. Алексей взял его, покрутил в пальцах и убрал в карман. Есть не хотелось.

Он знал, что эти триста рублей – не на обед.

Шаров появился в его жизни в начале сентября. Ну как появился – был всегда, просто раньше не замечал. Максим Шаров учился в одиннадцатом, и девятиклассники для него были пустым местом. Но в этом году что-то изменилось. Может быть, Алексей просто попался на глаза в неудачный момент. Может быть, Шарову стало скучно. А может – и это было ближе всего к истине – Шаров просто понял, что Лёша никому не пожалуется.

Всё началось с мелочи. В столовой Шаров подошёл к его столу и без слов взял с подноса булочку. Алексей промолчал. На следующий день – булочку и сок. Потом – весь обед. Потом Шаров сказал: «Слышь, Соболев, ты чё такой жадный? Давай-ка ты будешь платить за проход».

– Куда проход? – не понял Алексей.

– Никуда. Просто проход. По школе ходишь – плати. Сто рублей в день. Нормальная цена.

– У меня нет таких денег.

– Найди.

И он нашёл. Сначала отдавал из карманных – тех трёхсот рублей, что мать оставляла на неделю. Потом этого стало не хватать. Шаров поднял таксу до ста пятидесяти. Потом до двухсот. Потом сказал: «Слушай, сто рублей в день – это как-то мелко. Давай сразу за неделю. Тысяча. Или отработаешь».

– Как отработаю?

– Ну, я тебе буду говорить, что делать, ты будешь делать. Ничего сложного. Сумку там принести, домашку за меня сделать. Мелочи.

Алексей выбрал платить.

Он перестал обедать в школе. Откладывал. Мать заметила, что он похудел – сказала: «Ты не заболел?» Он ответил: «Не хочется просто». Она поверила. У неё не было времени не поверить.

Алексей никому не рассказывал. Не потому, что не хотел – просто не знал как. «Мам, у меня деньги отбирают» – это стыдно. «Мам, меня трясут» – это унижительно. «Мам, я боюсь» – это страшно. Он не мог сказать ей этого. Она придёт в школу, будет разбираться, кричать, плакать – а что это изменит? Шарова не исключат. У него родители – спонсоры школы. А Алексея запишут в стукачи, и станет только хуже.

Он терпел. Он думал: «Ещё полгода – и он выпустится. Надо просто дожить».

Но дожить не получалось.

В то утро Алексей пришёл в школу за пятнадцать минут до звонка. Повесил куртку, переобулся, поднялся на второй этаж. У кабинета математики стояла Полина Андреевна – молодая учительница в очках, которую все звали просто ПА, потому что «Полина Андреевна» было слишком длинно.

– Соболев, можно тебя на минутку?

Он подошёл. Полина Андреевна посмотрела на него внимательно – тем взглядом, которым учителя смотрят, когда хотят что-то спросить, но не знают как.

– У тебя всё в порядке?

– Да. А что?

– Синяк. На скуле. Откуда?

Алексей машинально потрогал лицо. Синяк был уже жёлтый, почти сошёл. Он и забыл про него – Шаров на прошлой неделе толкнул его в раздевалке, он ударился лицом о вешалку.

– Упал. На физкультуре.

– На физкультуре? У вас в пятницу физкультуры не было.

– Значит, дома. Не помню.

Полина Андреевна хотела сказать что-то ещё, но прозвенел звонок. Алексей нырнул в класс и сел за свою парту. Рядом уже сидела Настя – одноклассница, с которой они сидели вместе с пятого класса. Она подвинула к нему тетрадь по алгебре:

– Держи, я решила. Списывай быстрее.

– Спасибо.

– Кстати, к тебе опять эти подходили. Ну, которые одиннадцатиклассники. Я видела вчера после уроков.

– Не подходили, – соврал Алексей.

– Я же видела.

– Тебе показалось.

Настя помолчала, потом тихо сказала:

– Лёш, может, родителям расскажешь? Или ПА? Она нормальная, она поймёт.

– Не надо.

– Почему?

– Потому что не надо.

Он отвернулся к тетради и начал переписывать решение. Настя больше не спрашивала.

На большой перемене Алексей пошёл в столовую – не есть, а просто чтобы не сидеть в классе одному. Взял стакан чая, сел за дальний стол, в углу, у окна. За окном моросил дождь, тополя на школьном дворе стояли почти голые, только на верхних ветках ещё держались последние жёлтые листья.

– Соболев, привет.

Он не услышал шагов. Шаров подошёл бесшумно, сел напротив, загородив собой пол-окна. Следом, как приклеенные, подошли Игнат и Кирилл. Игнат встал сбоку, Кирилл чуть поодаль – прикрывал обзор от учительского стола.

– Привет, – ответил Алексей. Голос не дрогнул. Он научился.

– Чё такой грустный? Денег нет?

– Есть.

– Сколько?

Алексей достал из кармана смятые купюры. Триста рублей – мамины, на обед. Плюс ещё пятьдесят – свои, сэкономленные.

– Триста пятьдесят.

– Нормально, – Шаров сгрёб деньги и сунул в карман, не пересчитывая. – Но мало. Тысяча была. Где остальное?

– Нет больше.

– А ты поищи.

– Негде искать.

Шаров откинулся на спинку стула и посмотрел на Алексея с интересом. Так смотрят на таракана, который вдруг побежал не в ту сторону.

– Слушай, Соболев. Я тебе по-хорошему предлагал. Ты платишь – мы дружим. Ты не платишь – мы не дружим. С друзьями у нас что? Правильно, всё хорошо. А с недругами – проблемы. Ты чё, хочешь проблем?

– Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое.

– В покое? – Шаров улыбнулся. Улыбка была ленивая, даже добродушная. Как у сытого кота, который ещё не решил, играть с мышью или прихлопнуть лапой. – А кто тебе сказал, что ты заслужил покой? Ты его купил? Оплатил? Нет. Покой – он денег стоит. А у тебя денег нет. Значит, будешь платить иначе.

– Как?

– Отработаешь. Завтра после уроков подойдёшь. Я скажу, что делать. И смотри у меня – если не придёшь, я сам за тобой приду. И будет хуже.

Шаров встал, хлопнул Алексея по плечу – сильно, так что тот едва не уронил стакан с чаем – и вышел из столовой. Игнат и Кирилл потянулись следом. Кирилл на секунду задержался, встретился с Алексеем глазами – и быстро отвёл взгляд.

Лёша остался сидеть. Чай остыл. За окном дождь усилился. Где-то в коридоре смеялись первоклассники – у них была экскурсия. Алексей смотрел на свои руки, лежащие на столе, и думал: «Что мне делать?»

Он не знал.

Вечером он вернулся домой. Матери ещё не было – позвонила, сказала, что задержится. В холодильнике – вчерашние макароны. Мальчик разогрел их, съел без аппетита. Потом сел за уроки. Потом просто сидел за столом и смотрел в стену.

В комнате было тихо. За окном шумел ветер.

Алексей открыл ящик стола. Там лежал конверт – тот самый, в котором мать оставляла деньги на обед. Только этот был пустой. Он достал его, повертел в руках. Потом взял ручку и написал на конверте: «Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое».

Он не знал, зачем это написал. Может быть, хотел оста-

вить записку. Может быть – просто выплеснуть слова, которые не мог сказать вслух.

Он сложил конверт пополам и убрал обратно в ящик.

Завтра был новый день. И он не знал, как его пережить.

ГЛАВА 1.2. «ТЫ НИКТО»

Утро следующего дня началось с дождя. Мелкого, противного, который не льёт, а висит в воздухе водяной пылью. Лёша стоял у окна на кухне и смотрел, как дворники машины соседа мотаются туда-сюда, размазывая грязь по стеклу.

Мать уже ушла. На холодильнике – новый стикер: «Позвонила твоя классная. Спрашивала, всё ли у нас в порядке. У нас всё в порядке? Позвоню вечером. Целую, мама».

Значит, Полина Андреевна всё-таки заметила. Не поленилась, нашла телефон, позвонила. Алексей почувствовал что-то среднее между благодарностью и раздражением. Благодарность – потому что хоть кто-то обратил внимание. Раздражение – потому что теперь придётся врать ещё убедительнее.

Он вышел из дома в семь двадцать. Нарочно попозже – чтобы не торчать у школы, не ждать звонка, не стоять в коридоре, где можно случайно встретить Шарова. Но Шаров, кажется, и не думал его искать до вечера. На переменах он проходил мимо, даже не глядя. Только один раз, в столовой, подмигнул и показал пять пальцев – «после пятого урока».

Алексей кивнул.

Пятый урок был литература. Сидели по двое, Настя рядом. Учительница монотонно читала что-то про Онегина, класс дружно залипал в телефоны под партами. Настя накло-

нилась к Алексею и зашептала:

– Ты сегодня какой-то дёрганный.

– Нормальный.

– Опять врёшь. У тебя щека дёргается, когда ты нервничаешь. Вот сейчас дёрнулась.

Алексей прижал ладонь к щеке.

– Я не нервничаю.

– Лёш, я же вижу. Ты боишься. Чего?

– Ничего.

– Это из-за Шарова, да?

Он промолчал.

– Я могу с папой поговорить. У него знакомый в полиции, он может...

– Нет.

– Почему?

– Потому что полиция не поможет, – Алексей говорил тихо, но жёстко, сам удивляясь этой жёсткости. – Они придут, поговорят, уйдут. А я останусь. И он останется. И будет только хуже. Ты понимаешь?

Настя замолчала. Потом, через минуту, тихо сказала:

– Ты хотя бы матери расскажи.

– Не хочу её расстраивать.

– А когда тебя покалечат – это её не расстроит?

Алексей ничего не ответил.

После звонка он вышел из класса последним. Спустился в раздевалку, оделся, постоял у дверей, набираясь решимости.

Потом толкнул дверь и вышел на школьный двор.

Они ждали его за спортзалом – там, где кончалась асфальтовая площадка и начинался пустырь, заросший чахлыми кустами. Место было глухое: с одной стороны – глухая стена спортзала без окон, с другой – старый забор, за которым стройка, замороженная ещё в позапрошлом году. Камер здесь не было. Никто не ходил. Никто не видел.

Шаров стоял, прислонившись к стене. Игнат сидел на корточках, ковырял палкой землю. Кирилл стоял чуть поодаль, руки в карманах. При появлении Алексея Кирилл поднял глаза – и тут же отвёл.

– О, Соболев, – Шаров отлепился от стены. – А я уж думал, не придёшь.

– Я пришёл.

– Молодец. Уважаю. – Шаров подошёл вплотную, возвышаясь над Алексеем на полголовы. – Значит так. Задание простое. Возьмёшь вон тот пакет, – он кивнул в сторону кустов, где лежал чёрный целлофановый свёрток, – и отнесёшь на четвёртый этаж, в туалет возле кабинета физики. Положишь в дальнюю кабинку, за бачок. И всё. Ничего сложного.

Алексей посмотрел на пакет. Подошёл, поднял. Внутри что-то звякнуло – стекло? Или металл? Пакет был тяжёлый.

– Что там?

– Тебе какая разница? Твоё дело – отнести.

– Я не понесу. Если там что-то запрещённое – меня же поймают. А ты в стороне.

Шаров улыбнулся. Улыбка вышла нехорошая – без веселья, только с угрозой.

– Слушай, Соболев. Ты, кажется, не понял. Ты здесь не для того, чтобы выбирать. Ты здесь для того, чтобы делать, что я скажу. Понял?

– Я не понесу.

Улыбка исчезла. Лицо Шарова изменилось – стало жёстким, почти чужим. Он сделал шаг вперёд, схватил Алексея за ворот куртки и притянул к себе.

– Ты кто такой? Ты – никто. Пустое место. Пыль под ногами. Ты думаешь, ты что-то решаешь? Ты ничего не решаешь. Ты делаешь, что я говорю. Или я тебя научу.

– Отпусти.

– Что?

– Отпусти меня.

Шаров посмотрел на него с интересом – как тогда, в столовой. Как на таракана, который вдруг пополз в другую сторону.

– Игнат, Кирилл, слышали? Соболев у нас храбрый стал.

Он разжал пальцы, отпуская ворот. Алексей отступил на шаг.

– Значит так, – голос Шарова стал деловым, почти будничным. – У тебя два варианта. Первый: ты берёшь пакет и делаешь, что я сказал. Второй: ты сейчас получаешь по лицу и всё равно делаешь, что я сказал. Выбирай.

Алексей стоял молча. В висках стучало. Во рту пересох-

ло. Пальцы сжимались и разжимались. Он понимал, что загнан в угол. Что драться бесполезно – Шаров тяжелее, выше, сильнее, да ещё и не один. Что бежать некуда. Что помощи ждать неоткуда.

И он почти сдался. Почти взял пакет. Почти сделал шаг к кустам.

Но вместо этого сказал:

– Нет.

Тишина повисла – густая, вязкая. Игнат перестал ковырять палкой землю. Кирилл поднял голову.

– Нет? – переспросил Шаров, будто не веря. – Ты сказал «нет»?

– Я не буду этого делать. Хватит. Я больше не буду платить. Не буду носить твои пакеты. Не буду тебя бояться. Делай что хочешь.

Шаров смотрел на него секунду. Две. Три. Потом кивнул каким-то своим мыслям и сказал негромко:

– Ну, как хочешь.

И ударил.

Кулак прилетел в скулу – ту самую, где ещё не до конца сошёл старый синяк. Алексей не успел ни уклониться, ни закрыться. В голове взорвалась боль – яркая, белая, на секунду перекрывшая всё. Он покачнулся, но устоял. Перед глазами поплыли круги.

– Держите его.

Игнат и Кирилл шагнули вперёд. Игнат схватил Алексея

за плечо, Кирилл – за второе. Вдвоём они заломили ему руки за спину. Алексей дёрнулся, но вырваться не смог – держали крепко.

Шаров подошёл ближе. Теперь он не спешил. Он знал, что жертва никуда не денется. Знал, что вокруг – ни души. Знал, что камеры на эту сторону не смотрят.

– Ты, Соболев, храбрый стал, – повторил он, покачивая головой. – Это хорошо. Храбрых бить интереснее.

Второй удар – в живот. Алексей сложился пополам, из лёгких вышибло воздух. Он захрипел, пытаясь вдохнуть, но воздух не шёл – только боль, тупая, растекающаяся от солнечного сплетения по всему телу. Он упал на колени, и в это мгновение третий удар – ногой, в голову, вскользь, по касательной, но так, что в ушах зазвенело, а перед глазами вспыхнуло белое.

– Отпустите, – скомандовал Шаров. – Он никуда не денется.

Игнат и Кирилл разжали руки. Алексей рухнул лицом в мокрую траву, ударившись плечом о мёрзлую землю. Больно. Холодно. Мокро. Левый глаз уже заплывал, из рассечённой скулы сочилась кровь – тонкая струйка, смешиваясь с дождевой водой на лице.

Шаров присел на корточки рядом. Потом, не торопясь, поднялся, занёс ногу – и нанёс ещё один удар, теперь в бок, носком ботинка, под рёбра. Алексей дёрнулся, пытаясь прикрыть голову руками, но руки не слушались.

Шаров наклонился, схватил его за волосы и приподнял голову. Лицо Шарова было совсем рядом – покрасневшее, злое, с капельками дождя на бровях.

– Ну что, Соболев? Будем продолжать или уже понял?

Алексей не ответил. Он лежал, уткнувшись лицом в мокрую траву, и смотрел в землю. Грязь. Камешки. Обломки кирпича. Какая-то железяка. Камень – тяжелый, с острым краем, лежал прямо перед его лицом, в нескольких сантиметрах.

Камень.

Обычный камень – кусок бордюра, отколовшийся при ремонте. Тяжёлый, с острым краем. Он лежал прямо перед его лицом, в нескольких сантиметрах. Наверное, его выворотило из земли, когда рабочие сносили старую ограду. А может, просто валялся здесь давно. Никому не нужный. Никем не замеченный.

Пальцы Алексея сомкнулись на камне.

– Ты глухой? Я спросил: ты понял или нет?

Шаров наклонился ниже, схватил Алексея за волосы и приподнял его голову. Их глаза встретились.

– Ты – никто, – раздельно произнёс Шаров. – Ты понял это? Никто. Твоя мать – нищербродка, отец – алкаш, который вас бросил. Ты всю жизнь будешь пылью под ногами у таких, как я. Понял?

Алексей молчал. Он не слышал слов. Только шум крови в ушах. Только стук сердца – гулкий, частый, отдающийся в

висках. Только тяжесть камня в руке.

– Ладно, – Шаров выпрямился. – Поднимайте его. Сейчас он у нас отработает по полной. Пакет сам понесёт и извиняться будет. На коленях.

Игнат шагнул вперёд, наклонился, протянул руку.

Алексей ударил.

Это был не расчёт. Не план. Не решение. Просто тело сработало раньше мозга. Взмах снизу вверх – от земли к небу. Камень описал короткую дугу и с глухим, страшным звуком встретился с головой Шарова.

Звук был такой, как будто кто-то ударил арбуз о бетонный пол.

Шаров не вскрикнул. Не охнул. Просто замер на секунду – с выражением крайнего удивления на лице, как будто никак не мог понять, что произошло. Его глаза остекленели. Он покачнулся. Сделал шаг назад. Ещё один. И рухнул навзничь – тяжело, мешком, раскинув руки.

Тишина.

Дождь.

Тяжёлое дыхание.

Игнат стоял, вытаращив глаза. Кирилл отступил на шаг, прижавшись спиной к стене. На земле, в луже дождевой воды, лежал Шаров – неподвижный, бледный, с красной полосой, стекающей от виска по щеке.

– Ты... ты убил его... – прошептал Игнат.

Алексей сидел на земле. Камень выпал из его руки и от-

катился в траву. Пальцы дрожали. Дрожало всё – руки, ноги, губы.

– Я не хотел... – его голос был чужим, хриплым, как будто не его. – Я просто... он меня... я защищался...

Он не мог отвести глаз от тела Шарова. Грудь потерпевшего вздымалась и опускалась – неровно, с перебоями, но вздымалась. Жив.

– Беги! – крикнул Кирилл Игнату. – Зови кого-нибудь! Скорую!

Игнат бросился к школе. Кирилл остался – стоял у стены, глядя на Алексея. В его глазах не было злости. Только страх. И что-то ещё. Может быть, стыд.

Алексей сидел в луже и дрожал. Холодно. Мокро. Страшно. Камень лежал в траве, и дождь смывал с него кровь – медленно, капля за каплей.

Сирена скорой взывала где-то вдалеке, на проспекте. Приближалась.

ГЛАВА 1.3. «ВАШ СЫН ЗАДЕРЖАН»

Скорая приехала через двенадцать минут.

Лёше они показались вечностью. Он сидел на мокрой земле, привалившись спиной к стене спортзала, и смотрел, как двое врачей в синих униформах суетятся над Шаровым. Капельница. Носилки. Кислородная маска. Слова, которых он не понимал: «внутричерепная гематома», «кома», «реанимация». Шарова погрузили в машину, и скорая уехала, взыв сиреной, – теперь уже в сторону областной больницы.

Алексей остался.

Игнат куда-то исчез – кажется, побежал вызывать скорую с телефона охранника и не вернулся. Кирилл стоял поодаль, переминаясь с ноги на ногу. Он не убежал, но и не подошёл. Просто ждал. Когда санитары унесли Шарова, Кирилл посмотрел на Алексея долгим взглядом, потом развернулся и медленно побрёл к школе. Ни слова. Ни угрозы. Ни сочувствия. Просто ушёл.

Через пять минут приехала полиция.

Двое в форме. Один молодой, второй постарше. Молодой подошёл к Алексею, который всё ещё сидел на земле. Грязный, мокрый, с разбитой скулой, дрожащий.

– Твоя работа?

Алексей поднял глаза.

– Я не хотел. Они меня избивали. Втроём. Я просто защищался.

– Понятно. – Полицейский повернулся к напарнику. – Вызывай следственно-оперативную. Тут тяжкий вред, возможно – сто одиннадцатая. Пацану пятнадцать, значит, дело будет.

Он снова повернулся к Алексею:

– Вставай. Руки за спину.

– Зачем? Я же никуда не убегу.

– Так положено. Вставай, пацан. Поехали.

Алексей встал. Его не били, не крутили руки – просто надели наручники и повели к машине. Наручники были холодные, металлические, и они больно врезались в запястья. Раньше он видел такое только в кино.

Его посадили на заднее сиденье полицейской машины. Салон пах бензином и чем-то кислым. Напротив, через решётку, сидел молодой полицейский и заполнял протокол.

– Фамилия, имя, отчество?

– Соболев Алексей Игоревич.

– Год рождения?

– Две тысячи десятый.

– Статья сто одиннадцатая, часть первая. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. До восьми лет. Тебе сколько?

– Пятнадцать.

Полицейский присвистнул.

– Ну, тебе по малолетке меньше дадут. Но всё равно – невесело.

Алексей ничего не ответил. Он смотрел в окно на школьный двор, который медленно уплывал назад. Дождь кончился. Тучи разошлись, и сквозь них пробилось бледное октябрьское солнце. На спортплощадке играли младшеклассники – бегали, кричали, смеялись. Обычный школьный день.

Только для него он уже никогда не будет обычным.

В отделе полиции его провели в комнату для допросов – ту самую, с голыми стенами, лампой под потолком и столом, привинченным к полу. Наручники сняли. Сказали ждать.

Лёша сидел на стуле, обхватив себя руками. Его всё ещё трясло – то ли от холода, то ли от шока. Куртка была мокрая насквозь. На скуле наливался новый синяк. В голове пульсировала мысль: «Что я наделал? Что я наделал? Что я наделал?»

Дверь открылась. Вошёл мужчина лет пятидесяти – высокий, сутуловатый, с усталыми глазами и мятым галстуком. Сел за стол, положил перед собой папку.

– Соболев Алексей Игоревич. Пятнадцать лет. Девятый класс. Школа номер восемнадцать. Всё верно?

– Да.

– Я следователь Рукавишников Андрей Васильевич. Буду вести твоё дело. Твоя мать уже едет. Адвокат тебе положен – бесплатный, от государства. Сейчас придёт.

– Мне не нужен адвокат. Я всё расскажу.

– Нет. Без адвоката разговора не будет. Ты несовершеннолетний. Закон.

Алексей замолчал.

Через двадцать минут пришёл адвокат – молодой парень в мятом костюме, с папкой, из которой торчали какие-то бланки. Представился: «Григорьев, назначен для защиты». Сел рядом с Алексеем, открыл папку, приготовился записывать.

– Ну, давай, рассказывай, – сказал Рукавишников, включая диктофон. – Только честно. Врёшь – себе хуже делаешь.

И Алексей рассказал. Всё. С самого начала. Как Шаров подошёл в столовой, как требовал деньги, как увеличивал суммы, как угрожал, как заставил прийти за спортзал, как ударил, как били втроём. Как он упал, как схватил камень, как ударил. Один раз.

– Только один?

– Один. Я не бил больше. Я не добивал. Я хотел, чтобы он перестал.

Рукавишников делал пометки в протоколе. Адвокат молча кивал. Когда Алексей закончил, следователь отложил ручку.

– Хорошо. Допустим. Но есть проблема. Твой Шаров сейчас в реанимации. Внутричерепная гематома. Состояние тяжёлое. Если он умрёт – это уже не сто одиннадцатая, а сто пятая. Убийство. Понимаешь?

Алексей молчал.

– И вторая проблема: камень. Ты схватил камень и ударил. Это орудие. Суд будет смотреть: ты мог ударить рукой? Мог. Почему ударил камнем? Ответ – потому что хотел причинить вред. Понимаешь, к чему я клоню?

– Я защищался.

– Все так говорят. – Рукавишников вздохнул, закрыл папку. – Ладно. Пока оформляем как сто одиннадцатую. Дальше будет видно.

Он вышел. Адвокат задержался на минуту.

– Слушай, парень, – сказал он, понизив голос. – Я тебе честно скажу: это дело серьёзное. У Шарова родители непростые. Отец – бизнесмен, связи, деньги. Они уже здесь, в коридоре, кричат, требуют посадить тебя по полной. Мой совет: найми нормального адвоката. Не такого, как я, – я «назначенец», у меня таких дел десятков в день. Найми того, кто специализируется. И главное – не признавай вину. Даже если будут давить. Даже если мать будет просить. Стой на своём. Иначе – срок.

Он похлопал Алексея по плечу и вышел.

Алексей остался один.

Через час приехала мать.

Она ворвалась в отдел, расталкивая полицейских, с мокрыми от дождя волосами и безумными глазами. Увидела Алексея через стекло – и замерла. Он сидел на стуле, с разбитым лицом, в грязной куртке, бледный, как полотно.

– Лёша... – она прижала ладонь к стеклу. – Лёшенька, что

случилось? Что ты наделал?

– Мам, я...

– Почему ты мне не сказал? Почему?! Если бы ты сказал – я бы пошла в школу, я бы разобралась...

– Мам, я не мог. Я боялся.

– Ты боялся, а теперь что?! – её голос сорвался на крик.
– Ты понимаешь, что ты натворил?! Они говорят – тюрьма! Тюрьма, Лёша! Ты – в тюрьму!

Слёзы текли по её щекам – неудержимо, некрасиво. Она плакала и кричала одновременно, и полицейские в коридоре отводили глаза.

– Соболева, успокойтесь, – сказал Рукавишников, подходя. – Ваш сын задержан. Сейчас его отвезут в изолятор временного содержания. Завтра суд изберёт меру пресечения. Скорее всего, домашний арест – он несовершеннолетний, ранее не судим, характеризуется положительно. Это не тюрьма. Пока.

– Пока?! А потом?!

– Потом – следствие. Месяц, может, два. Потом суд. А там посмотрим.

Анна Викторовна смотрела на сына сквозь стекло и не узнавала. Это был не тот Лёша, который вчера утром пил чай на кухне и говорил «не хочу в школу». Это был кто-то другой. Чужой. Со страшным синяком на лице и ещё более страшной пустотой в глазах.

– Лёша, – сказала она тихо. – Ты только не признавайся.

Слышишь? Что бы ни говорили – не признавайся. Я тебя вытащу. Я найду адвоката, я всё сделаю. Только не признавайся.

– Я не признаюсь, – сказал он. – Я защищался.

– Правильно. Молодец.

Конвоир тронул Алексея за плечо:

– Всё, время. Уводим.

Алексея подняли и повели по коридору. Анна Викторовна шла следом, пока ей не преградил путь дежурный.

– Куда? Нельзя.

– Это мой сын!

– Я понимаю. Нельзя. Приходите завтра в суд.

Она стояла в коридоре и смотрела, как уводят её мальчика. Того, ради которого она жила. Того, которого она не убежала.

Дверь за Алексеем закрылась.

Вечером того же дня Игорь Петрович Соболев сидел в своей квартире в Мурманске и смотрел в стену. Час назад позвонила бывшая жена – голос был чужой, срывающийся. «Твой сын в тюрьме». Он сначала подумал – розыгрыш. Какая тюрьма? Лёша? Тихий, спокойный Лёша, который в прошлый приезд показывал ему написанную на Python программку для решения квадратных уравнений? В тюрьме?!

Потом он позвонил в полицию. Потом – знакомому юристу. Потом – бывшей жене ещё раз. Картина вырисовывалась страшная.

Он взял телефон и начал искать в интернете адвокатов по уголовным делам в Архангельске. Просмотрел сайтов десять. Потом набрал номер коллеги по институту – тот работал в прокуратуре и знал всех в юридическом мире северо-запада.

– Слушай, мне нужен лучший адвокат по самообороне в Архангельске. Срочно.

– По самообороне? Это к Гореловой. Елена Михайловна. Специализируется именно на этом. Если она возьмётся – считай, повезло.

– Дай телефон.

Он записал номер. Набрал. Гудки шли долго.

– Алло? – женский голос был усталый, но твёрдый.

– Елена Михайловна? Моя фамилия Соболев. Мне вас рекомендовали как лучшего адвоката по делам о самообороне.

– Слушаю.

– Мой сын в изоляторе временного содержания. Ему пятнадцать. Он ударил одноклассника камнем по голове. Тот в коме. Говорят – сто одиннадцатая.

– Почему ударил?

– Говорит – защищался. Его травили, избивали. Трое на одного.

В трубке помолчали.

– Когда вы можете приехать? – спросила Горелова.

– Завтра. Я в Мурманске. К полудню буду.

– Хорошо. Встретимся в два. Адрес скину смс. И захвати-

те с собой всё, что знаете о травле – записи, свидетельства, имена. Всё, что есть.

– У меня почти ничего нет. Я... я не знал.

– Никто никогда не знает. Будем разбираться. До завтра. Гудки.

Игорь Петрович отложил телефон и закрыл лицо руками. Он сидел так долго. Очень долго.

За окном шумел мурманский ветер – холодный, пронизывающий. Он думал о сыне. О том, как редко звонил. О том, как откладывал приезд – то работа, то дела, то «давай в следующем месяце». О том, что, когда сын нуждался в нём больше всего, его не было рядом.

Теперь он должен всё исправить.

Он не знал как. Но знал, что должен и через час был уже в пути.

ГЛАВА 1.4. «ГОРЕЛОВА»

Игорь Петрович приехал в Архангельск на следующий день к полудню.

В Архангельске его встретило низкое серое небо и мелкий дождь. Город выглядел так же, как и всегда – фасады старых домов на набережной, стеклянные офисы на Троицком, чайки на парапетах, ветер с Северной Двины. Игорь Петрович бывал здесь сотни раз – он прожил в этом городе пятнадцать лет, пока не уехал в Мурманск после развода. Сейчас улицы казались чужими. Всё было не так. Всё было неправильно.

Офис Гореловой находился на Воскресенской – в доме с эркерами и лепниной. Игорь Петрович поднялся на второй этаж, нашёл нужную дверь, выдохнул и постучал.

– Войдите.

Горелова сидела за столом, заваленным бумагами. Перед ней стоял ноутбук, рядом – кружка с остывшим чаем. Она выглядела так, будто не спала всю ночь – но взгляд был цепким, ясным, оценивающим.

– Игорь Петрович? Проходите. Садитесь.

Он сел на стул для посетителей. Положил на колени папку – тощую, почти пустую.

– Что у вас есть? – спросила Горелова без предисловий.

– Почти ничего. Я... я мало знаю. Мы с женой в разводе, я живу в Мурманске. Сын мне не рассказывал. Ни о чём.

Я звонил раз в неделю, спрашивал «как дела» – он отвечал «нормально». Я думал, правда нормально.

– Вы не виноваты. Подростки вообще мало что рассказывают родителям. Особенно отцам, которые далеко. – Горелова взяла ручку. – Что вы знаете о травле?

– Ничего. То есть... бывшая жена говорила, что у него синяки были. Пару раз. Но он говорил – на физкультуре упал. Она верила.

– Кто такая Полина Андреевна?

– Классный руководитель. Математичка.

– Она видела синяки?

– Да. Она звонила жене. Спрашивала, всё ли у нас в порядке. Это было... в пятницу, кажется. За три дня до драки. Горелова записала.

– Уже кое-что. Ещё свидетели?

– Сын говорил, что с ним была девочка. Одноклассница. Настя. Она видела, как к нему подходили старшеклассники. И ещё был парень из компании Шарова – Кирилл. Он вроде бы не такой, как остальные. Может, расскажет правду.

– Фамилии? Телефоны?

– Насти – не знаю. Кирилл – тоже. Но я могу узнать через жену.

– Узнайте. Сегодня же. Завтра я начну опрос свидетелей. – Горелова отложила ручку. – Теперь о главном. Ваш сын. Что он за человек?

Игорь Петрович задумался. Вопрос был простой, но отве-

тить на него оказалось трудно.

– Он... тихий. Спокойный. Никогда не дрался, даже в детстве. Если у него отбирали игрушку – он не отбирал обратно, просто уходил. Я ему говорил: «Лёша, надо уметь постоять за себя». А он отвечал: «Пап, зачем? Это же просто игрушка». Понимаете? Он не трус. Он просто... не хочет конфликтов. Ему проще уступить, чем драться.

– А здесь – не уступил.

– Да. В том-то и дело. Я не знаю, что его довело. Может быть, этот Шаров перешёл какую-то грань. Может быть, Лёша просто устал бояться. Я не знаю.

– Это мы выясним. – Горелова встала, подошла к окну. – Игорь Петрович, я скажу вам прямо. Дело серьёзное. Тяжкий вред здоровью – это до восьми лет. Вашему сыну пятнадцать – значит, как несовершеннолетнему ему грозит до шести. Но есть смягчающие обстоятельства. Первое: его травили. Если мы это докажем – суд учтёт. Второе: он защищался. И здесь есть два варианта. Если докажем, что была угроза жизни – это полная самооборона, статья тридцать семь, оправдание. Если только угроза здоровью – тогда превышение пределов необходимой обороны, статья сто четырнадцать, максимум год. Мы будем бороться за первый вариант. Третье: явка с повинной. Ваш сын не скрывался, всё рассказал, сотрудничал со следствием. Четвёртое: положительная характеристика из школы, от соседей, из кружков. Всё это работает на него.

– А что с потерпевшим? Шаровым?

– Пока жив. В коме. Если выживет – сто одиннадцатая. Если умрёт... – Горелова сделала паузу. – Будем надеяться, что выживет. Но даже если сто одиннадцатая – мы будем бороться за переквалификацию.

– На что?

– На статью сто четырнадцатую. Причинение тяжкого вреда при превышении пределов необходимой обороны. Максимум – год. Для несовершеннолетнего – условно или принудительные меры воспитательного воздействия. Но я хочу большего.

– Чего?

– Статья тридцать семь. Необходимая оборона без превышения. Это оправдание. Полное. Без судимости. С правом на реабилитацию. У нас есть шанс. Не стопроцентный, но есть.

Игорь Петрович поднял глаза. В них была надежда – робкая, неуверенная, но надежда.

– Что мне сейчас делать?

– Первое. Позвоните бывшей жене. Пусть не давит на сына. Пусть не говорит ему «признайся, тебе скостят». Это худшее, что можно сделать. Признание – это приговор. Второе. Найдите мне всех свидетелей. Всех, кто знал о травле. Третье. Узнайте всё о Шарове – где он занимался, какие приводы, какие характеристики. Всё, что можно найти. Четвёртое. Завтра я иду в СИЗО к вашему сыну. Будет первая беседа. Я должна подготовить его к допросам.

– Я могу его увидеть?

– Пока нет. Свидание – только с разрешения следователя.

Я попрошу. Но не обещаю.

Игорь Петрович кивнул. Он встал.

– Спасибо, Елена Михайловна.

– Не благодарите пока. Работаем.

Он вышел. Горелова села за стол и открыла ноутбук. В почте уже лежало письмо от Рукавишникова – официальное уведомление о возбуждении уголовного дела по части первой статьи 111 УК РФ. Она пробежала глазами по строчкам: «...Соболев А.И., находясь на территории школьного двора, действуя умышленно, с целью причинения тяжкого вреда здоровью, нанёс Шарову М.С. один удар камнем в голову...»

«С целью причинения тяжкого вреда здоровью», – мысленно повторила она. – Ну-ну. А то, что его втроём избивали, лежащего, – это мы, значит, пропустили».

Она открыла чистый файл и начала писать план защиты. Пункт первый: психолого-психиатрическая экспертиза подростка. Пункт второй: адвокатские запросы – в школу, в полицию, в травмпункт. Пункт третий: поиск свидетелей. Пункт четвёртый: Волин.

Она набрала знакомый номер.

– Борис Аркадьевич, добрый вечер. Это Горелова. Нужна ваша помощь. Новое дело. Подросток, пятнадцать лет, защищался от троих, ударил камнем по голове. Тяжкий вред.

В трубке помолчали.

– Ты когда-нибудь отдыхаешь? – спросил Волин.

– Нет. Вы же знаете.

– Знаю. Привози материалы. Посмотрю.

В камере изолятора было холодно. Не так, как на улице, но всё равно – из щелей под потолком тянуло сквозняком, и тонкое казённое одеяло не спасало. Алексей лежал на койке, закинув руки за голову, и смотрел в потолок. На потолке было пятно – бурое, похожее на очертания Австралии. Он смотрел на него уже третий час.

Сосед по камере – пожилой мужик с татуировками на пальцах – сидел на своей койке и молчал. За всё время он произнёс только одну фразу: «По малолетке – не ссы, отпустят». И замолчал снова.

Алексей думал о матери. О том, как она плакала. О том, как кричала. О том, что она сказала: «Я тебя вытащу». Он знал – она будет пытаться. Но он знал и другое: она не все-сильна. У неё нет связей. Нет знакомых в полиции, в суде, в прокуратуре. Она обычная женщина, которая вырастила сына одна и теперь не знает, как его спасти.

Он думал об отце. Тот приедет. Он обещал. Но что он сможет сделать? Он инженер. Даже не юрист. Даже не начальник. Просто инженер из Мурманска.

И ещё он думал о Шарове. Лежит ли он до сих пор в коме? Пришёл ли в себя? Будет ли жить? Алексей не хотел его смерти. Не хотел никому зла. Он просто хотел, чтобы всё прекратилось. Чтобы его оставили в покое. Чтобы он мог хо-

дить в школу, не боясь каждого угла. Чтобы он мог есть в столовой, не думая, что сейчас подойдёт Шаров и заберёт его еду. Чтобы он мог жить.

Теперь всё это было невозможно. Даже если его оправдают – всё равно. Та жизнь кончилась.

Дверь камеры лязгнула.

– Соболев. На выход. К адвокату.

Алексей встал. Сердце забилося чаще. Он не знал, кто к нему пришёл. Может быть, тот же «назначенец», что был вчера. А может – новый, которого нашёл отец.

Конвоир провёл его по коридору в комнату для свиданий. Алексей вошёл и увидел женщину. Невысокая, в строгом тёмно-синем костюме, с гладко зачёсанными русыми волосами. На вид – около сорока. Взгляд острый, оценивающий, но не враждебный.

– Здравствуй, Алексей. Меня зовут Горелова Елена Михайловна. Я твой новый адвокат. Садись.

Он сел.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

– Синяк болит?

– Немного.

– Хорошо. – Горелова открыла папку. – Слушай меня внимательно. У нас мало времени, поэтому я буду говорить быстро. Запоминай.

Она положила перед ним лист бумаги.

– Правило первое. «Я не помню». Если на допросе тебя спрашивают: «Сколько раз ты ударил?», «С какой силой?», «Куда целился?» – ты отвечаешь: «Я не помню». Это правда. Человек в состоянии стресса не помнит деталей. Ты не помнишь, сколько секунд прошло, с какой силой ты ударил, думал ли ты о последствиях. Ты помнишь только главное: ты лежал на земле, тебя били втроём, ты боялся за свою жизнь и схватил первое, что попало под руку.

– Но я действительно не помню...

– Тем лучше. Значит, тебе не придётся врать. Правило второе. «Я защищался». Не «я ударил», не «я напал», не «я отомстил». Ты защищался. Ты лежал на земле. Тебя били ногами. Ты закрывал голову руками. Ты боялся, что тебя покалечат или убьют. Ты схватил камень и ударил – один раз, – чтобы остановить нападение. Это ключевая фраза. Ты её запомнил?

– Запомнил.

– Правило третье. Никаких «я виноват». Никаких «простите». Никаких «я не должен был этого делать». Ты не виноват. Ты защищал свою жизнь. Вину определяет суд. Если ты сам признаешь вину – я ничего не смогу сделать. Ты понимаешь?

– Понимаю.

– Теперь о том, что будет дальше. Завтра суд изберёт меру пресечения. Скорее всего, домашний арест – ты несовершеннолетний, ранее не судим, есть место жительства. Если

домашний арест – будешь сидеть дома с браслетом. В школу пока не ходишь. Потом начнутся допросы. Я буду на каждом. Ты отвечаешь только на те вопросы, которые я разрешу. Если вопрос тебе непонятен – смотри на меня. Я либо кивну, либо скажу: «Мой подзащитный отказывается отвечать». Понял?

– Да.

– Ещё одно. – Горелова понизила голос. – В камере с тобой кто-то сидит?

– Да. Пожилой мужик.

– Он тебя о чём-нибудь спрашивал?

– Нет. Сказал только «по малолетке отпустят».

– Хорошо. Больше ни с кем не разговаривай. Ни с сокамерниками, ни с конвоирами, ни с дежурными. Всё, что ты скажешь, может быть использовано против тебя. Даже случайная фраза. Даже шутка. Молчи. Понял?

– Понял.

Горелова закрыла папку.

– И последнее. Твой отец приехал. Он ждёт в коридоре. Он хочет тебя увидеть. Я попрошу следователя о свидании. А пока – держись. Ты не один. У тебя есть защита.

Она встала. Алексей тоже поднялся.

– Спасибо, – сказал он тихо.

– Не за что пока. Это моя работа.

Она вышла. Конвоир увёл Алексея обратно в камеру. Он лёг на койку и снова уставился в пятно на потолке. Австралия. Новая Зеландия. Острова Фиджи.

В голове крутились три фразы. «Я не помню». «Я защищался». «Я не виноват».

Он повторял их снова и снова, как мантру.

Вечером Горелова сидела в своём кабинете и разбирала бумаги. На столе лежала тонкая папка – пока почти пустая. Завтра она начнёт её заполнять. Адвокатские запросы. Ходатайства. Жалобы. Показания свидетелей. Заключение экспертов.

Она знала, что дело будет трудным. Родители Шарова уже подключили свои связи. В местных новостях появилась короткая заметка: «Подросток жестоко избил одноклассника. Пострадавший в коме». Комментаторы неистовствовали: «Урод», «В тюрьму», «Пожизненное».

Никто не знал, что этот «урод» три месяца отдавал свои обеденные деньги. Никто не знал, что он перестал есть в школьной столовой, потому что боялся. Никто не знал, что его избивали втроём, пока он не схватил камень.

Но Горелова знала. Вернее – начинала узнавать. И она делает всё, чтобы это узнал суд.

Она открыла ноутбук и начала писать план допроса свидетелей.

ГЛАВА 1.5. «ПОКАЗАНИЯ»

Утро понедельника началось для Гореловой с трёх телефонных звонков.

Первый был от Игоря Петровича. Он нашёл Настю – ту самую одноклассницу, которая сидела с Алексеем за одной партой. Девочка согласилась поговорить. Второй звонок – из больницы: Шаров пришёл в сознание. Состояние стабильно тяжёлое, но угрозы жизни уже нет. Третий – от Рукавишникова: суд по мере пресечения назначен на завтра. Он предлагал обсудить позиции до заседания.

Горелова выслушала всех троих и начала действовать.

Первым делом – Настя. Девочка жила в том же районе, что и Алексей. Горелова договорилась о встрече после уроков, у школы. Когда она подъехала, занятия уже кончились, и школьный двор был заполнен детьми – кто-то бежал на автобус, кто-то толпился у крыльца, кто-то курил за углом.

Настя ждала её на скамейке у входа. Невысокая, худенькая, с длинными русыми волосами, собранными в хвост. Очки в тонкой оправе. Выглядела испуганной.

– Здравствуй, Настя. Я адвокат Алексея. Елена Михайловна.

– Здравствуйте. – Голос у девочки был тихий, но твёрдый. – Я согласилась поговорить, потому что Лёша... он мой друг. Я хочу помочь.

– Спасибо. Давай отойдём куда-нибудь, где потише.

Они сели в машину Гореловой. На улице было холодно, ветер гнал по асфальту жёлтые листья. Горелова включила диктофон:

– Я запишу наш разговор. Не для протокола пока – для памяти. Ты не против?

– Нет.

– Расскажи мне о Шарове. О его компании. О том, что происходило в школе.

Настя поправила очки и начала говорить – сначала неуверенно, потом всё быстрее, как будто слова, которые она так долго держала в себе, наконец прорвались наружу.

– Шаров... он страшный человек. Нет, не так. Он – злой. Он получает удовольствие, когда другому плохо. Я не знаю, почему так. Может, родители не занимались. Может, просто такой характер. Но он уже несколько лет держит в страхе полшколы.

– Что значит «держит в страхе»?

– Ну... у него есть компания. Игнат и Кирилл. Игнат – он как тень, всё за Шаровым повторяет. Кирилл – другой. Он вроде бы и с ними, но как-то отдельно. Молчит больше. Иногда мне кажется, что он сам боится. Но не уходит.

– Что Шаров делал с Алексеем?

– Сначала просто смеялся. Ну, знаете, как это бывает: «Соболь, ты чё такой мелкий?», «Соболь, ты чё в очках?», хотя Лёша без очков ходит. Просто придирался. Потом на-

чал деньги требовать. Сначала по мелочи – сто рублей, двести. Лёша отдавал. Вы же знаете, он не жалуется никогда. Он вообще... он как улитка. Прячется в раковину и ждёт, пока всё закончится. Но это не закончилось. Только хуже становилось.

– Ты видела, как у него появились синяки?

– Да. Вот здесь, – Настя показала на свою скулу. – Я спросила – он сказал «упал». Я не поверила. Потом ещё раз – на руке. Синяк был странный, как будто кто-то схватил и сжал. Я снова спросила. Он снова сказал «упал». А потом я увидела, как Шаров и Игнат поджидают его после уроков у спортзала. Я хотела подойти, но испугалась. Вы не понимаете – Шарову ничего не сделают. У него отец вроде бы спонсор школы и директор перед ним на цыпочках ходит. Если бы я подошла – меня бы просто оттолкнули. Или хуже.

– Ты не виновата, – твёрдо сказала Горелова. – Ты сейчас помогаешь. Это главное.

Настя помолчала, комкая в пальцах край шарфа.

– В тот день... ну, когда всё случилось... Лёша был какой-то странный. Даже более странный, чем обычно. Он всё время молчал и смотрел в одну точку. Я его спрашивала – он не отвечал. А потом, на литературе, сказал: «Я больше не буду». Я спросила: «Что не будешь?» А он: «Бояться».

– Ты знаешь, зачем он пошёл за спортзал?

– Догадываюсь. Шаров его вызвал. Это у них так называлось – «выйти поговорить». Лёша знал, что его будут бить.

И всё равно пошёл. Я не понимаю почему.

– Я понимаю, – сказала Горелова. – Он устал убегать.

Настя подняла на неё глаза. В них стояли слёзы.

– Вы его вытащите?

– Я сделаю всё, что смогу.

– Правда?

– Правда.

Второй разговор был труднее.

Кирилл долго не соглашался на встречу. Его мать, узнав, что какая-то адвокатша хочет поговорить с её сыном, едва не бросила трубку. Но Горелова умела убеждать – спокойно, без нажима, просто объяснила: «Ваш сын – свидетель. Он может помочь установить истину. Если он откажется – его вызовут повесткой. Это хуже».

Встретились в кафе у школы. Кирилл пришёл один – коренастый, молчаливый парень с вечно опущенными плечами. Он сел за столик, заказал чай и долго молчал, глядя в чашку.

– Ты был там, – сказала Горелова. – Ты всё видел.

– Да.

– Расскажи мне, как всё было. Честно.

Кирилл поднял глаза. В них не было злобы – только усталость и что-то похожее на стыд.

– Я не хотел, чтобы так получилось, – сказал он тихо. – Я вообще не хотел. Но Шаров... он как магнит. Если ты с ним – ты в порядке. Если против – сам становишься жерт-

вой. Я однажды попробовал заступиться за одного пацана из седьмого. Знаете, что было? Шаров меня самого избил. А потом сказал: «Ещё раз вякнешь – будешь следующим». И я заткнулся. Надолго.

– В тот день, за спортзалом, – что там произошло?

– Шаров сказал Соболеву принести какой-то пакет. Не знаю, что там было – не спрашивал. Соболев отказался. Тогда Шаров его ударил. Потом мы его держали – я и Игнат. Потом Шаров ещё бил. Соболев упал. Шаров наклонился, схватил его за волосы и что-то говорил. Что-то про мать, кажется. Я не разобрал. А потом Соболев ударил.

– Сколько раз он ударил?

– Один.

– Ты уверен?

– Да. Один раз. Камнем. Он его с земли поднял. Если бы он хотел убить – он бы бил ещё. Но он не бил. Он просто сидел и дрожал. Я видел его лицо. Он сам был в шоке.

Горелова сделала пометку в блокноте.

– Ты готов это повторить на допросе? Под протокол?

Кирилл долго молчал.

– А что мне за это будет?

– Правда. И чистая совесть.

– Совесть... – он горько усмехнулся. – Она мне уже полгода спать не даёт. Ладно. Я согласен.

Вечером Горелова встретила с Рукавишниковым. Он ждал её в своём кабинете – всё с тем же растворимым кофе

и всё с той же усталостью в глазах.

– Ну что, Елена Михайловна, – сказал он, когда она села.
– Давай по-честному. Твой парень – хороший мальчик, я всё понимаю. Травля, унижения, трое на одного. Но он ударил камнем. Камень – это не кулак. Это оружие. И потерпевший – в больнице с трещиной черепа. Тяжкий вред – это факт.

– Факт, – согласилась Горелова. – Но факт и то, что мой подзащитный лежал на земле, а его избивали ногами. Трое. Старше, тяжелее, сильнее. Это групповое нападение. Это реальная угроза жизни.

– Ты хочешь сказать – статья тридцать семь?

– Именно.

– Лена, – Рукавишников отставил стаканчик. – Ты сама-то в это веришь? Камень против кулаков? Суд скажет: превышение. Сто четырнадцатая.

– А я скажу: необходимая оборона. И у меня есть свидетели. И есть специалист.

– Волин?

– Он самый.

Рукавишников вздохнул.

– Ладно. Завтра суд по мере пресечения. Я не буду просить арест. Парню пятнадцать, ранее не судим, есть место жительства. Пусть сидит под домашним. А там посмотрим.

– Спасибо, Андрей Васильевич.

– Не благодари. Я просто делаю свою работу.

Горелова вышла из кабинета. В коридоре было темно и

тихо – только где-то на первом этаже гудел охранник.

Завтра начинался новый этап. Суд. Мера пресечения. А потом – долгие месяцы следствия, экспертиз, допросов.

Она не знала, чем всё закончится. Но знала одно: она будет бороться.

ГЛАВА 1.6. «МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ»

Заседание суда по избранию меры пресечения проходило в небольшом зале на втором этаже. Никаких присяжных, никаких прений – только судья, прокурор, следователь, адвокат и родители с обеих сторон. Алексея привезли из изолятора временного содержания под конвоем, в наручниках, которые сняли только в зале.

Он выглядел потерянным. За три дня в изоляторе он осунулся, под глазами залегли тени. Синяк на скуле из чёрного стал жёлто-фиолетовым – некрасивый, заметный. Одет был в ту же толстовку, что и в день задержания, только уже несвежую. Мать, увидев его, заплакала. Отец сидел рядом с ней, сжимал её руку и молчал. У него на коленях лежала папка – документы, которые он всю ночь собирал по просьбе Гореловой: характеристика сына, грамоты, справки.

По другую сторону прохода сидели Шаровы. Елена Дмитриевна, мать потерпевшего, была в строгом чёрном костюме – как на похороны. Она смотрела на Алексея с ненавистью. Сергей Владимирович, отец, сидел прямо, неподвижно, и только желваки на скулах выдавали его состояние. Рядом с ними расположился их адвокат – по виду дорогой, холёный, с кожаным портфелем.

– Встать, суд идёт!

Судья – женщина лет пятидесяти, строгая, с короткой стрижкой и усталыми глазами – заняла своё место. Она вела процесс быстро, без лишних церемоний.

– Слушается ходатайство следствия об избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего Соболева Алексея Игоревича, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи сто одиннадцатой Уголовного кодекса. Слово предоставляется следователю.

Рукавишников поднялся. Говорил он коротко, сухо, без эмоций:

– Уважаемый суд. Соболев А.И. подозревается в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью Шарову М.С. Преступление относится к категории тяжких. Однако, учитывая несовершеннолетний возраст подозреваемого, его положительные характеристики, отсутствие судимостей и наличие постоянного места жительства, следствие не настаивает на заключении под стражу. Полагаю возможным избрать меру пресечения в виде домашнего ареста.

Судья кивнула:

– Слово предоставляется защите.

Горелова поднялась:

– Уважаемый суд. Защита полностью поддерживает позицию следствия. Мой подзащитный – несовершеннолетний. Он никогда не скрывался, сотрудничал со следствием с пер-

вого дня. Он не представляет общественной опасности. Домашний арест – адекватная мера. Более того, я ходатайствую о разрешении моему подзащитному ежедневных прогулок продолжительностью не менее одного часа – это предусмотрено законом для несовершеннолетних, находящихся под домашним арестом.

– Слово предоставляется потерпевшей стороне.

Адвокат Шаровых поднялся – высокий, с идеальной осанкой и дорогими запонками. Говорил он громко, с напором:

– Уважаемый суд! Позиция следствия вызывает у нас глубокое недоумение. Преступление совершено с особой жестокостью! Подозреваемый нанёс удар камнем – камнем! – по голове потерпевшего. Максим Шаров до сих пор находится в больнице. У него трещина черепа, внутримозговая гематома. Он едва выжил! А подозреваемый будет сидеть дома с ежедневными прогулками?! Мы настаиваем на заключении под стражу!

Елена Дмитриевна не выдержала. Она вскочила с места:

– Этот урод покалечил моего сына! – голос её сорвался на крик. – Вы понимаете, что Максим – спортсмен! У него вся жизнь была впереди! А теперь он лежит в больнице и не помнит, какой сегодня день! А этот... этот... будет дома с мамочкой чай пить?!

– Успокойтесь, – судья постучала молоточком. – Сядьте. Ваши эмоции понятны, но суд руководствуется законом, а не эмоциями.

Елена Дмитриевна села, но продолжала сверлить Алексея взглядом. Он не отворачивался – просто смотрел перед собой, в одну точку, как учила Горелова.

– Суд удаляется для вынесения решения.

Судья встала и вышла. В зале повисла напряжённая тишина. Анна Викторовна сжимала руку бывшего мужа. Игорь Петрович смотрел на сына. Алексей сидел, опустив голову.

Горелова наклонилась к нему:

– Скорее всего, домашний арест. Это хороший вариант. Ты сможешь быть дома, с матерью.

– А в школу?

– Пока нет. Но мы будем просить.

Через пятнадцать минут судья вернулась.

– Оглашается постановление. Суд, рассмотрев ходатайство следствия, заслушав мнения сторон, постановил: избрать в отношении несовершеннолетнего Соболева Алексея Игоревича меру пресечения в виде домашнего ареста сроком на два месяца. Соболеву А.И. запрещается покидать место жительства без разрешения следователя, использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», общаться с участниками уголовного дела. Разрешить Соболеву А.И. ежедневные прогулки продолжительностью один час в радиусе пятисот метров от места жительства.

Судья сделала паузу.

– Постановление может быть обжаловано в течение трёх

суток. Заседание окончено.

Алексей выдохнул. Он не знал, радоваться или нет. Домашний арест – это не тюрьма. Но и не свобода. Два месяца дома. С браслетом на ноге. Без телефона, без интернета, без школы. Без друзей.

Но хотя бы с матерью.

Конвоир надел на него браслет – пластиковый, с датчиком. Объяснил правила: радиус – пятьсот метров, за пределы выходить нельзя, сигнал отслеживается. Алексей кивнул.

В коридоре его ждали родители. Мать бросилась к нему, обняла. От неё пахло какими-то знакомыми духами – лёгкими, цветочными. Он не помнил, когда она последний раз его обнимала. Может быть, год назад. Может быть, два.

– Лёшенька... – она всхлипывала. – Я тебя домой забираю. Домой.

Отец стоял рядом. Он не обнимал – просто положил руку на плечо сыну. Сухую, тяжёлую.

– Ничего, сын. Всё будет хорошо.

По другую сторону коридора стояли Шаровы. Елена Дмитриевна смотрела на них с откровенной ненавистью. Сергей Владимирович подошёл ближе.

– Ты запомни, пацан, – сказал он негромко, но так, что слышали все. – Ты моего сына покалечил. Я этого не забуду. Ты у меня сядешь. Не сейчас – так потом. Но сядешь.

– Сергей! – одёрнула его жена.

Игорь Петрович шагнул вперёд, закрывая сына:

– Вам не кажется, что угрожать несовершеннолетнему в присутствии его адвоката – это несколько опрометчиво?

Горелова уже достала диктофон:

– Сергей Владимирович, будьте добры, повторите то, что вы сейчас сказали. Для протокола.

Шаров-старший побагровел, развернулся и пошёл к выходу. За ним поспешили жена и адвокат.

– Вот так, – тихо сказала Горелова. – Теперь у нас есть факт угрозы. Это может пригодиться в суде.

Алексей смотрел вслед уходящим Шаровым и думал о том, что сказал отец потерпевшего. «Ты у меня сядешь». Он уже сидел. Правда, пока дома. Но надолго ли?

Дома было странно. Всё выглядело так же, как раньше: та же прихожая, та же кухня, тот же запах – смесь старой мебели и маминых духов. Но Лёша чувствовал себя чужим. Будто он уехал надолго, а теперь вернулся – и не узнаёт собственный дом.

Мать суетилась: сварила борщ, испекла пирог, постелила свежее бельё. Она пыталась создать уют, но выходило неловко. Она не знала, как себя вести. С одной стороны – сын дома. С другой – он под следствием.

Отец поселился в гостиной на диване. Сказал, что взял отпуск на месяц. Будет помогать.

Вечером, когда мать ушла в свою комнату, Игорь Петрович сел рядом с сыном на кухне.

– Лёш, я хочу спросить. Только честно.

– Спрашивай.

– Почему ты мне ничего не рассказывал? Про Шарова. Про деньги. Про всё.

Алексей долго молчал. Крутил в пальцах пустую чашку. Потом поднял глаза.

– А что бы ты сделал?

– Я бы приехал.

– И что? Приехал бы, сходил в школу, поговорил с директором. Директор развела бы руками – «ах, мы не знали, мы примем меры». Шарова бы вызвали к завучу, он бы извинился, а на следующий день меня бы избили в два раза сильнее. Ты этого хотел?

– Я бы в полицию пошёл.

– В полицию? – Алексей усмехнулся недобро. – Пап, ты серьёзно? У Шарова отец – спонсор школы. У него связи. А у нас – ничего. Кому бы поверили? Ему или мне?

Игорь Петрович не нашёлся что ответить.

– Ты не понимаешь, – продолжал Алексей. – Ты живёшь в Мурманске. У тебя там работа, друзья, какая-то жизнь. А я здесь. Один. Нет, мама, конечно, рядом, но она работает с утра до ночи. И когда я прихожу из школы, я прихожу в пустую квартиру. И когда Шаров начинает меня трясти, я не могу ей позвонить и сказать: «Мам, у меня деньги отбирают». Потому что она расстроится, будет плакать, побежит в школу – и ничего не изменится. Только хуже станет.

Он замолчал. Потом тихо добавил:

– Я просто хотел дожить до выпуска. Полгода. Он бы выпустился и ушёл. Я бы остался. И всё. Тихо, мирно, без драк. А теперь...

– А теперь ты под домашним арестом, – закончил отец.

– Да. И Шаров в больнице. И меня, может, посадят. Хотя я просто защищался.

Отец обнял его – неуклюже, неловко. Алексей не сопротивлялся.

– Я тебя не брошу, – сказал Игорь Петрович глухо. – Слышишь? Я уже один раз бросил – когда уехал. Больше не брошу. Мы справимся. Вместе.

За окном шумел ветер. Где-то далеко, на Северной Двине, гудел ледакол. Алексей закрыл глаза. Впервые за последние дни он почувствовал что-то похожее на покой.

ГЛАВА 2.1. «ПСИХОЛОГ»

Домашний арест оказался испытанием, к которому подросток не был готов.

Он думал, что самое трудное – это браслет на ноге. Пластиковый, лёгкий, почти невесомый, но ощутимый каждую секунду. Однако браслет был не самым страшным. Самым страшным оказалась тишина.

В изоляторе было шумно: лязг замков, шаги конвоиров, перекличка на поверке, храп соседа по камере. Здесь, дома, было тихо. Мать уходила на работу в восемь и возвращалась в семь. Отец уезжал по делам – встречался с Гореловой, возил документы, разговаривал с юристами. Алексей оставался один.

Он не мог выйти на улицу, кроме ежедневной часовой прогулки – и то в сопровождении матери или отца. Он не мог включить компьютер – интернет был отключён по условиям домашнего ареста. Телефон тоже изъяли. Оставались книги, но он не мог сосредоточиться на чтении – мысли разбегались. Оставался телевизор – старый, ещё с плоским экраном, который мать не меняла с позапрошлого года. По телевизору шли новости, сериалы, какие-то ток-шоу. В новостях на четвёртый день показали сюжет про «жестокое избиение школьника в Архангельске». Фамилий не называли – и на том спасибо.

Алексей выключил телевизор и сел на подоконник. За окном был октябрь. Тополя облетели, лужи замёрзли, по утрам на газонах лежал иней. Дети шли в школу. Кто-то бежал с ранцем наперевес, кто-то плёлся, глядя в телефон. Обычная жизнь. Чужая.

Он смотрел на них и думал: «Я мог бы быть среди них. Мог бы идти в школу, сидеть на алгебре, списывать у Насти, прятаться от Шарова в столовой. Мог бы. Но теперь я здесь. А Шаров – в больнице. И неизвестно, кто из нас в большей тюрьме».

На пятый день приехала Горелова.

Она вошла в квартиру, сняла пальто, огляделась. На столе в кухне лежали стопкой учебники – мать договорилась с классным руководителем, и теперь Алексей занимался дома, чтобы не отстать от программы. Горелова взяла учебник алгебры, полистала.

– Квадратные уравнения. Это я помню. Дискриминант.

– Вы математику знаете? – удивился Алексей.

– Я вообще много чего знаю. – Она отложила учебник и села за стол. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

– Без телефона, без интернета, один в четырёх стенах. Это не «нормально». Это тяжело.

– Ну, тяжело.

– Понимаю. – Горелова открыла папку. – Но у меня для тебя новости. Две хорошие, одна трудная. С какой начать?

– С хорошей.

– Первая: Шаров пришёл в сознание. Врачи говорят, будет жить. Последствия есть – частичная амнезия, головные боли, но прогноз в целом благоприятный. Для нас это означает, что статья остаётся сто одиннадцатой, а не сто пятой.

– А вторая?

– Следователь назначил психолого-психиатрическую экспертизу. Это обязательно по делам несовершеннолетних. Ты будешь проходить обследование у психолога и психиатра. Они будут задавать вопросы – о тебе, о семье, о школе, о том, что случилось. Это не допрос. Это экспертиза.

– Это и есть трудная новость?

– Нет. – Горелова сделала паузу. – Трудная новость – это то, что я сейчас скажу. Слушай внимательно. Алексей, на экспертизе тебя будут спрашивать о том, что ты чувствовал в момент удара. Хотел ли ты убить Шарова. Понимал ли ты, что делаешь. Ты должен отвечать честно. Но – и это важно – ты должен понимать, что твои ответы будут использовать и обвинение, и защита. Поэтому запомни главное: ты не хотел причинить вред. Ты хотел, чтобы нападение прекратилось. Ты не думал о последствиях. Ты действовал на автомате, в состоянии стресса. Это правда. И это именно то, что должен зафиксировать психолог.

– Я понимаю.

– Хорошо. Ещё кое-что. Завтра я приведу специалиста. Его зовут Волин Борис Аркадьевич. Он судебно-медицин-

ский эксперт. Он будет анализировать характер травмы Шарова – сможет подтвердить, что удар был одиночным, без добивания, из положения лёжа, снизу вверх. Это важно для суда.

– Он тоже будет меня допрашивать?

– Нет. Он работает с документами. С тобой будет работать психолог.

Алексей кивнул. Он смотрел в окно. Там снова шли дети – теперь уже из школы, с портфелями, смеющиеся. Он проводил их взглядом.

– Елена Михайловна, – спросил он тихо. – А если меня посадят – надолго?

Горелова помолчала.

– Я не дам тебе сесть. Ты меня слышишь? Не дам. Но для этого ты должен мне доверять и делать то, что я говорю. Договорились?

– Договорились.

Она встала, надела пальто.

– Завтра в десять утра здесь будет психолог. Зовут Елена Андреевна. Хороший специалист, работает с подростками. Не бойся её. Просто расскажи всё как было.

– Хорошо.

Когда дверь за Гореловой закрылась, Алексей снова сел на подоконник. Дети уже разошлись по подъездам. Двор опустел. Ветер гнал по асфальту жёлтые листья.

Он думал о завтрашнем дне. О психологе. О вопросах, на

которые придётся отвечать. О том, что он скажет. О том, что он чувствовал в тот момент.

Он попытался вспомнить. Камень в руке. Шаров наклоняется. Удар снизу вверх. Звук – глухой, страшный.

Что он чувствовал? Страх. Только страх. Не злость. Не желание убить. Просто животный, дикий страх – за свою жизнь.

Он надеялся, что психолог ему поверит.

На следующее утро в дверь позвонили ровно в десять.

Елена Андреевна оказалась немолодой женщиной с мягкими чертами лица, седыми волосами и спокойным, чуть усталым голосом. Она была одета не в белый халат, а в обычный свитер и юбку – наверное, специально, чтобы не пугать подростка казённым видом.

– Здравствуй, Алексей. Я Елена Андреевна. Можно просто Елена.

– Здравствуйте.

– Давай сядем. Где тебе удобнее?

– На кухне. Там светлее.

Они сели за стол. Елена Андреевна достала из сумки блокнот, но не открывала его – просто положила рядом.

– Я не буду включать диктофон, – сказала она. – И не буду записывать каждое твоё слово. Мы просто поговорим. Как в школе с психологом – у вас был психолог?

– Был. Но я к нему не ходил.

– Почему?

– Считал, что это для слабаков.

– А сейчас?

– А сейчас я сам – слабак. Вон, под домашним арестом сижу.

Елена Андреевна чуть улыбнулась.

– Ты не слабак, Алексей. Ты – человек, который три месяца терпел унижения и ничего не сказал. Это не слабость. Это выносливость. Просто у любой выносливости есть предел.

Алексей поднял на неё глаза. Что-то в её голосе – спокойное, безоценочное, тёплое – заставило его расслабиться.

– Расскажи мне о маме. Какая она?

– Хорошая. Работает много. Устаёт.

– А папа?

– Он в Мурманске. Приехал сейчас, когда всё случилось.

– Ты на него обижен?

Алексей задумался.

– Раньше был. Сейчас – не знаю. Он вроде старается. Но я не понимаю, зачем. Раньше надо было стараться. Когда я мелкий был. Когда они с мамой ругались.

– А в школе? У тебя есть друзья?

– Настя. Она со мной за одной партой сидит. Мы с пятого класса вместе.

– Она знала о том, что происходит с Шаровым?

– Догадывалась. Я ей не рассказывал. Она сама видела.

– Почему не рассказывал?

– Стыдно было.

– Стыдно, что ты жертва?

Алексей поморщился. Слово «жертва» резануло слух.

– Я не жертва.

– А кто?

Он молчал долго. Потом тихо сказал:

– Я не знаю. Я просто хотел, чтобы всё закончилось. Я не хотел никого калечить. Я хотел, чтобы меня оставили в покое. Разве это много?

Елена Андреевна ничего не ответила. Она смотрела на него – внимательно, но без давления. Так, как смотрят на человека, которому нужно дать время.

– Расскажи мне о том дне, – попросила она. – О самом моменте. Когда ты взял камень. Что ты чувствовал?

Алексей закрыл глаза.

– Я лежал на земле. Было холодно. Мокро. Он бил меня. Я закрывал голову руками и думал: «Только бы не по голове. Только бы не по голове». А потом Шаров наклонился, схватил меня за волосы и сказал про мать. Что-то плохое. Я не помню слово. Но я помню, что внутри что-то оборвалось.

– Что именно?

– Как будто красная пелена перед глазами. Или не красная – белая. Как вспышка. Я не думал: «Вот сейчас я возьму камень и ударю». Я вообще не думал. Рука сама сработала. Я даже не почувствовал, как ударил. Только звук. Глухой. Как будто что-то упало.

– А потом?

– Потом – тишина. Он упал. Я сидел на земле и дрожал.

Камень выпал. Я смотрел на свою руку и не понимал, как он там оказался. Я хотел встать, но не мог. Ноги не слушались.

– Ты хотел ударить ещё раз?

– Нет.

– Почему?

– Потому что он уже не бил. Он лежал. Мне не нужно было, чтобы он умер. Мне нужно было, чтобы он перестал.

Елена Андреевна кивнула и сделала первую запись в блокноте.

– Хорошо. Теперь я задам тебе несколько тестовых вопросов. Не бойся – это стандартная процедура. Просто отвечай.

Тесты были странные: нарисовать дерево, продолжить фразу, разложить карточки. Алексей выполнял всё молча, сосредоточенно. Елена Андреевна наблюдала.

Когда тесты закончились, она убрала блокнот в сумку.

– Я подготовлю заключение через неделю. Ты молодец, Алексей. Ты был честен.

– Это поможет?

– Правда всегда помогает. Даже если кажется, что нет.

Она встала, попрощалась и ушла. Алексей остался на кухне. За окном шёл дождь – мелкий, октябрьский, бесконечный.

Он думал о том, что сказал психологу. «Я не хотел, чтобы он умер. Мне нужно было, чтобы он перестал».

Это была правда.

И, кажется, впервые за последние недели ему стало чуть

легче.

ГЛАВА 2.2. «СПЕЦИАЛИСТ»

Борис Аркадьевич Волин приехал к Гореловой в офис на следующий день после психолога. Он был в своём неизменном свитере – на этот раз тёмно-зелёном, – и в тех же домашних тапочках, которые, кажется, не снимал никогда. В руках – пухлая папка с материалами дела.

– Ну что, Лена, – сказал он, усаживаясь на стул для посетителей, – я изучил медицинские документы по твоему Шарову. И скажу я тебе следующее.

Горелова подалась вперёд.

– Травма характерная. Одиночный удар тупым предметом с неровной поверхностью – это как раз твой камень. Удар нанесён снизу вверх, под углом примерно сорок пять градусов. Это важно.

– Почему?

– Потому что это подтверждает версию твоего подзащитного. Он лежал на земле. Нападавший наклонился над ним – схватил за волосы, приподнял голову. Удар был нанесён из этого положения – снизу, с короткого замаха, практически без прицеливания. Это не удар палача. Не удар добивания. Это хаотичный, панический удар человека, который пытается остановить нападение.

– А что говорит экспертиза обвинения?

– А она молчит. – Волин открыл папку и достал заключе-

ние Зиновьева. – Вот, полюбуйся. «Тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. Удар тупым предметом. Внутричерепная гематома». Всё. Ни слова о механизме удара. Ни слова о взаимном расположении потерпевшего и нападавшего. Ни слова о том, мог ли удар быть нанесён в состоянии аффекта или обороны. Формальная отписка.

– Как всегда, – вздохнула Горелова.

– Как всегда, – подтвердил Волин. – Зиновьев – грамотный эксперт, но он пишет ровно то, что от него ждёт следствие. Ни больше ни меньше. А я – напишу больше.

Он достал из папки несколько листов, исписанных убористым почерком.

– Вот мой предварительный анализ. Смотри. Первое: удар был одиночным. Никаких «контрольных» повреждений, которые бы свидетельствовали о добивании. Если бы твой парень хотел убить – он бы ударил ещё раз. Хотя бы ещё раз. Но он не ударил. Он бросил камень и остался сидеть на земле. Это подтверждают показания свидетеля Кирилла.

– Второе: удар нанесён тупым предметом, схваченным с земли в момент нападения. Это не оружие, принесённое с собой. Это не подготовка. Это спонтанная реакция.

– Третье: взаимное расположение. Потерпевший наклонился вперёд и вниз, обвиняемый лежал на спине. Удар снизу вверх, в висок – область, которая оказалась ближе всего. Никакого прицеливания в затылок или в основание черепа, что было бы логично при желании убить.

– И четвёртое, – Волин снял очки и посмотрел на Горелову, – самое главное.

Согласно пункту 2 Пленума № 19, опасным для жизни является посягательство, которое в момент совершения создавало реальную опасность для жизни. Избиение лежащего ногами по голове – это способ, создающий такую опасность. А согласно пункту 10, при защите от такого посягательства можно причинить любой вред. Любой. Вплоть до смерти. А тут – даже не смерть. Тяжкий вред. И ещё: пункт 12 прямо говорит, что при посягательстве нескольких лиц обороняющийся вправе применить к любому из посягающих такие меры защиты, которые определяются характером и опасностью действий всей группы. Не каждого по отдельности – всей группы. Трое на одного, лежащего, втроём – это и есть та самая групповая опасность. Если мы посмотрим на Приказ Минздрава 172н, пункт 5.1.1.3, внутричерепная травма с развитием комы или дислокационного синдрома – это тяжкий вред здоровью. То есть травма, которую получил Шаров, – это ровно то, что Алексей мог получить, если бы не остановил нападение.

– То есть вы считаете, что это статья тридцать семь? – спросила Горелова.

– Я считаю, что это классическая необходимая оборона без превышения. Парень лежал на земле. Его избивали. Он схватил то, что было под рукой. Один удар. Без добивания. Без умысла на убийство. Без подготовки. Что ещё нужно?

– Чтобы суд поверил.

– Вот это – твоя работа, – Волин положил листы на стол.
– А моя работа – дать тебе медицинские факты, которые ты сможешь предъявить суду. И я их даю. Заключение будет готово через три дня. С таблицами, схемами, ссылками на нормативную базу. Как всегда.

– Спасибо, Борис Аркадьевич. Сколько я вам должна?

– Лена, не начинай. Принесёшь коньяк, когда дело выиграем.

– Армянский, как вы любите.

– Разумеется. – Волин поднялся. – И вот ещё что. Я тут навёл справки по Шарову. Неофициально, через знакомых. Знаешь, что выяснил? Он не просто так ММА занимался. У него был тренер, который учил «уличной драке». Удары ногами, добивания, болевые приёмы. Этого тренера потом уволили – перестарался с подготовкой. Но Шаров успел пройти у него двухгодичный курс.

– То есть он умел калечить людей?

– Именно. И в тот день он применял именно эти навыки. Избиение лежачего – это не просто драка. Это методичное причинение вреда. Твой парень был в реальной опасности. Если бы не камень – неизвестно, чем бы всё закончилось.

Горелова записала.

– Я запрошу информацию через официальный адвокатский запрос.

– Запрашивай. А я пока допишу заключение. Через три

дня будет готово.

Он ушёл. Горелова осталась сидеть за столом, глядя на листы с анализом Волина. В голове складывалась картина защиты – чёткая, логичная, неопровержимая. Одиночный удар. Спонтанная реакция. Угроза жизни. Отсутствие умысла.

Если суд это примет – Алексея оправдают.

Если нет...

Она не хотела думать о «если нет».

Три дня спустя заключение Волина было готово. Двадцать восемь страниц с таблицами, схемами и ссылками на приказы Минздрава и постановления Пленума Верховного Суда. Горелова прочитала его дважды и осталась довольна.

Теперь у неё было всё: показания Насти о систематической травле, показания Кирилла об обстоятельствах драки, заключение психолога о состоянии аффекта у Алексея, и заключение Волина о характере травмы и отсутствии признаков добивания.

Оставалось убедить суд.

Но до суда было ещё далеко. Впереди были допросы, очные ставки, экспертизы. Месяцы работы. И Горелова знала: расслабляться нельзя.

В тот же вечер ей позвонил Рукавишников.

– Елена Михайловна, у меня для вас новость. Я принял решение о переквалификации.

– На что? – Горелова замерла.

– Со статьи сто одиннадцатой на статью сто четырнадцатую. Причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны.

– Андрей Васильевич, это шаг в правильном направлении. Но я пойду дальше. Я буду требовать полного оправдания по статье тридцать семь.

– Ну, это уже в суде. Моё дело – следствие. А следствие показывает: превышение было. Парень защищался, но камень против кулаков – это несоразмерно.

– Избиение лежащего – это высокая вероятность угрозы жизни. А при угрозе жизни соразмерность не требуется. Пленум Верховного Суда, пункт второй. Хотите, процитирую?

– Не надо. Я помню. – Рукавишников помолчал. – Лена, я понимаю твою позицию. И, честно говоря... – он замаялся, – ...я не уверен, что ты не права. Но переквалификация на сто четырнадцатую – это максимум, что я могу сделать на стадии следствия. Дальше – суд.

– Спасибо, Андрей Васильевич.

– Не за что. Просто делаю свою работу.

Он повесил трубку. Горелова откинулась на спинку кресла. Сто четырнадцатая – это уже не восемь лет, а максимум год. Для несовершеннолетнего – условный срок или принудительные меры воспитательного воздействия. Но она хотела большего. Она хотела оправдания.

И она знала, что в суде у неё есть все шансы.

ГЛАВА 2.3. «ОЧНАЯ СТАВКА»

Очная ставка была назначена на пятницу, второе ноября.

Горелова готовилась к ней три дня. Она знала: это ключевой момент следствия. Если Игнат и Кирилл дадут разные показания, если их версии разойдутся – это сыграет на руку защите. Если они будут говорить одно и то же – будет сложнее.

В коридоре следственного управления было холодно. Алексей сидел на скамейке рядом с матерью. Анна Викторовна держала его за руку, хотя понимала, что это выглядит по-детски. Ей было всё равно. Отец стоял у окна, глядя на улицу. Он не говорил ни слова, но Алексей знал: он здесь. И это главное.

Горелова появилась за пять минут до начала. Она была в строгом сером костюме, с портфелем, из которого торчали бумаги. Увидев Алексея, она подошла и присела рядом.

– Помнишь правила?

– Да. «Я не помню». «Я защищался». Никакой вины.

– Правильно. Сегодня будет непросто. В соседней комнате сидит Игнат. Он будет врать. Твоя задача – не спорить с ним, не доказывать свою правоту. Просто говори, что было на самом деле. Спокойно. Без эмоций. Если он скажет что-то, чего не было, – скажи: «Это неправда». И замолчи. Я сама разберусь.

– А Кирилл?

– Кирилл – другое дело. Он может сказать правду. Мы с ним разговаривали. Но я не знаю, хватит ли у него смелости. Если хватит – нам это очень поможет.

Рукавишников открыл дверь кабинета:

– Заходите. Начинаем.

Игнат вошёл первым.

Он был одет в чистую рубашку, тщательно причёсан. Держался уверенно, даже нагло. Сел на стул, закинул ногу на ногу. На Алексея не смотрел.

– Свидетель Игнатов, – начал Рукавишников, – напомним, что вы видели второго октября во дворе школы.

– Мы стояли за спортзалом. Втроём – я, Шаров и Кирилл. Разговаривали. Потом подошёл Соболев. Он был агрессивный. Сказал, что Шаров ему надоел. У них началась перепалка. Соболев первый ударил.

– Чем ударил?

– Камнем. Он его с земли поднял. Специально. Шаров даже не ожидал. Упал. А Соболев стоял над ним и кричал: «Получил, гад?»

– Вы уверены, что Соболев кричал эти слова?

– Да. Я хорошо слышал. Я стоял рядом.

Алексей сжал зубы. Каждое слово Игната было ложью – наглой, расчётливой. Он не кричал. Не стоял над Шаровым. Не говорил «Получил, гад». Он вообще ничего не говорил. Он сидел на земле и дрожал.

– Обвиняемый Соболев, что вы скажете на это?

Алексей поднял глаза. Посмотрел на Игната. Тот отвёл взгляд.

– Это неправда. Я не бил первым. Меня били. Потом я лежал на земле, закрывал голову руками. Шаров наклонился надо мной, схватил за волосы и сказал что-то про мою мать. Тогда я ударил. Один раз. Я не кричал. Я не стоял над ним. Я сидел на земле и дрожал.

– Врёшь, – бросил Игнат.

– У меня есть вопрос к свидетелю, – подала голос Горелова. – Свидетель Игнатов, скажите, пожалуйста: вы утверждаете, что Соболев первый ударил Шарова. А зачем вы втроём стояли за спортзалом?

– Просто стояли.

– Просто стояли? Втроём? В глухом углу школьного двора, куда не выходят камеры? И тут случайно подошёл Соболев и напал на вас с камнем? Так?

– Ну... да.

– А зачем Соболев вообще туда пошёл? По вашей версии.

– Не знаю. Может, он нас искал.

– Зачем ему вас искать? Он знал, что вы втроём, что Шаров – спортсмен, что вы старше и сильнее. Зачем ему, тихому девятикласснику, искать драки с тремя одиннадцатиклассниками?

Игнат замялся.

– Я не знаю. Может, у него крыша поехала.

– Может, – согласилась Горелова. – А может, всё было иначе. Может, это вы его вызвали за спортзал. Может, Шаров требовал, чтобы он отнёс какой-то пакет. Может, Соболев отказался – и тогда Шаров ударил его первым. А потом вы держали его, пока Шаров избивал лежащего. Так было?

– Нет! – Игнат повысил голос. – Всё было не так!

– А как? Опишите.

Игнат открыл рот, но ничего не сказал. Он понял, что загнан в угол.

– Я... я не помню, – выдавил он наконец. – Всё было очень быстро.

– Не помните, – констатировала Горелова. – А несколько минут назад вы помнили каждое слово, которое якобы кричал мой подзащитный. И ещё одно, свидетель. Вы сказали, что мой подзащитный «стоял над Шаровым». Но согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, удар был нанесён из положения лёжа, снизу вверх. То есть в момент удара мой подзащитный сам находился на земле. Он физически не мог стоять над кем-либо. Ваши показания противоречат медицинским данным. Как вы это объясните?

Игнат молчал. Он смотрел в стол, и на его лице было написано что-то среднее между злостью и паникой.

– У меня больше нет вопросов, – сказала Горелова и села. Рукавишников постучал карандашом по столу:

– Адвокат, не давите на свидетеля.

– Я не давлю. Я задаю вопросы. Имею право.

Рукавишников вздохнул:

– Свидетель Игнатов, вы свободны. Позовите Кирилла.

Игнат вышел, даже не взглянув на Алексея. Горелова проводила его взглядом. Она знала: этот свидетель врёт, и в суде его ложь будет очевидна. Но пока – он был на стороне обвинения.

Кирилл вошёл медленно. Сел на стул, положил руки на колени. Он не смотрел ни на кого – ни на Рукавишникова, ни на Горелову, ни на Алексея. Просто уставился в стол.

– Свидетель Кириллов, – начал Рукавишников, – напомниме, что вы видели второго ноября во дворе школы.

Кирилл молчал. Пауза затягивалась.

– Свидетель, вы меня слышите?

– Да.

– Расскажите.

Кирилл поднял глаза – и встретился взглядом с Алексеем. В этом взгляде было что-то странное. Не вражда. Не сочувствие. Скорее – стыд.

– Шаров позвал Соболева за спортзал, – начал Кирилл глухо. – Хотел, чтобы тот отнёс какой-то пакет. Соболев отказался. Шаров разозлился и ударил его. В лицо. Соболев упал. Потом Шаров сказал нам: «Держите его». Мы держали. Шаров стал бить ногами. В живот. По рёбрам. По ногам. Соболев закрывался руками. Шаров наклонился, схватил его за волосы и что-то сказал про мать. Я не разобрал, что именно. Потом Соболев ударил.

– Чем?

– Камнем. С земли. Один раз.

– Что было потом?

– Шаров упал. Соболев сидел на земле и дрожал. Камень выпал. Он не добивал. Не кричал. Просто сидел и смотрел.

В кабинете повисла тишина. Рукавишников сделал пометку в протоколе.

– Свидетель Кириллов, вы понимаете, что ваши показания расходятся с показаниями свидетеля Игнатова?

– Понимаю.

– Почему вы решили сказать правду?

Кирилл поднял глаза на Алексея.

– Потому что мне надоело бояться.

Алексей ничего не сказал. Но он почувствовал, как внутри что-то отпустило. Не радость. Не торжество. Просто – облегчение. Хоть один человек сказал правду.

Рукавишников закрыл протокол.

– Очная ставка окончена. Всем спасибо.

Когда Кирилл выходил, Горелова догнала его в коридоре.

– Спасибо, – сказала она негромко.

– Не за что, – ответил он, не оборачиваясь. – Я просто устал.

И ушёл.

Вечером Горелова позвонила Игорю Петровичу.

– У меня хорошие новости. Очная ставка прошла успешно. Один свидетель подтвердил версию Алексея.

– А второй?

– Второй врёт. Но это нормально. В суде его прижмём.

– Что дальше?

– Дальше – подготовка к суду. У нас есть заключение Волина, есть показания Кирилла, есть психолог. Я буду добиваться полного оправдания.

– Елена Михайловна... – Игорь Петрович замолчал, подбирая слова. – Спасибо вам. Я понимаю, что это ваша работа. Но всё равно – спасибо.

– Поблагодарите, когда выиграем. А пока – работаем.

Она повесила трубку и посмотрела в окно. Над Архангельском висело низкое ноябрьское небо. Снега ещё не было, но земля уже промёрзла, и лужи покрывались коркой льда.

До суда оставался месяц.

ГЛАВА 2.4. «ОЖИДАНИЕ»

Ноябрь тянулся бесконечно.

Алексей научился жить под домашним арестом. Он выработал распорядок: подъём в семь, зарядка, завтрак с матерью, потом четыре часа занятий – учебники, задачники, конспекты. В час – прогулка. Отец сопровождал его, и они шли по одному и тому же маршруту: двор, детская площадка, сквер у «Пятёрочки», обратно. Пятьсот метров по кругу. Час.

После прогулки Алексей садился обедать и снова занимался – теперь уже читал то, что не входило в школьную программу. Мать принесла из библиотеки книги по программированию, и он погрузился в Python с головой. Это был единственный способ отвлечься.

Вечером приходила мать. Процесс шёл.

В середине ноября Горелова сообщила, что дело передано в суд. Заседание назначено на пятое декабря. Статья – 114 УК РФ, причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны. Максимум – год лишения свободы. Для несовершеннолетнего – условно или принудительные меры воспитательного воздействия.

– Это хорошо? – спросил Алексей при встрече.

– Это не оправдание, – честно ответила Горелова. – Но это не восемь лет. Я буду добиваться статьи тридцать семь. Но

даже если суд оставит сто четырнадцатую – реального срока, скорее всего, не будет.

Алексей кивнул. Он научился не радоваться раньше времени.

Вечером того же дня он сидел на кухне с отцом. Мать задержалась на работе. Игорь Петрович заварил чай, поставил на стол вазочку с сушками.

– Лёш, я хочу тебе кое-что сказать.

– Говори.

– Я решил вернуться в Архангельск. Совсем.

Алексей поднял глаза.

– Уволился. Продал квартиру в Мурманске. Ищу работу здесь. Пока сложно, но что-нибудь найду.

– Зачем?

– Ты не понимаешь? – отец посмотрел на него серьёзно.
– Я пропустил пять лет твоей жизни. Я думал: звоню раз в неделю, приезжаю раз в два месяца, плачу алименты – значит, я хороший отец. А потом случилось это. И я понял, что ничего о тебе не знаю. Совсем ничего. Когда ты сказал: «Ты живёшь в Мурманске, у тебя там работа, друзья, жизнь, а я здесь один» – я не спал три ночи. Потому что ты был прав. Я был не с тобой. Я был где-то там. А ты был здесь. Один. С Шаровым. С его компанией. Со всем этим дерьмом.

Он замолчал, подбирая слова.

– Я не могу исправить прошлое. Но я могу быть здесь сейчас. И я буду.

Алексей долго молчал. Потом спросил:

– А мама как?

– Она не против. Мы уже говорили.

– И что она сказала?

– Сказала: «Лучше поздно, чем никогда».

Алексей отпил чай. Чай был горячий, обжигал губы. Он думал о том, что отец – тот самый человек, который когда-то собрал вещи и ушёл, оставив их вдвоём с мамой, – теперь сидит на их кухне, пьёт чай и говорит, что вернулся. Навсегда.

Это было странно. Непривычно. Но где-то глубоко внутри – тепло.

– Ладно, – сказал он наконец. – Посмотрим.

Игорь Петрович кивнул. Он понял: это не прощение. Но это – шанс.

В конце ноября Алексею разрешили свидание с Настей. Она пришла в сопровождении матери – та долго не соглашалась, но Горелова позвонила и объяснила: «Девочка – ключевой свидетель защиты. Ей нужно обсудить с моим подзащитным детали предстоящего допроса». Мать сдалась.

Настя вошла в квартиру, огляделась. На ней было зимнее пальто, шапка с помпоном, на носу – замёрзшие капли.

– Ну и погода, – сказала она, разматывая шарф. – Минус пятнадцать, а снега нет. Ветер с Двины – с ног сбивает.

– У нас тепло, – сказал Алексей. – Чай будешь?

– Буду.

Они сидели на кухне, пили чай, и Настя рассказывала

школьные новости. Полина Андреевна уволилась – сказала, что не может работать в школе, где детей избивают, а директор делает вид, что ничего не происходит. Игната перевели в другую школу – родители решили, что так будет лучше. Кирилл ходит мрачный, почти ни с кем не разговаривает. Шаров так и не вернулся – он на домашнем обучении, восстанавливается после травмы.

– А ты? – спросила Настя.

– Что я?

– Ты как вообще?

Алексей задумался.

– Знаешь, странно. Я три месяца жил в страхе. Каждый день. Каждую перемену. Каждый раз, когда он проходил мимо. А теперь... я не боюсь. Не знаю почему. Может, потому что хуже уже не будет. Может, потому что я уже прошёл через самое страшное. Но страха нет.

– А что есть?

– Надежда. И усталость.

Настя кивнула. Она понимала.

– Лёш, я хочу тебе сказать... Я тогда, в тот день, когда всё случилось, я видела, как ты шёл за спортзал. Я хотела тебя остановить. Но испугалась. Я струсилась. Прости меня.

– Ты не виновата. Ты меня не била. Ты не требовала денег. Ты не держала меня, пока меня избивали. Ты – единственная, кто пытался помочь. И сейчас помогаешь. Этого достаточно.

Они помолчали.

– Ты придёшь на суд? – спросил Алексей.

– Конечно. Меня вызывают как свидетеля.

– Страшно?

– Немного. Но я справлюсь.

– Я тоже.

Она ушла в сумерках, оставив после себя запах мороза и какого-то лёгкого девчачьего шампуня. Алексей стоял у окна и смотрел, как её фигурка в пуховике удаляется по заснеженному двору.

Ему было грустно. И одновременно – легко.

Первое декабря. Четыре дня до суда.

Вечером Горелова собрала всех участников в своём офисе. Игорь Петрович, Анна Викторовна, Алексей. На столе лежали бумаги: план защитительной речи, список свидетелей, копии заключений экспертов.

– Давайте проговорим порядок, – сказала Горелова. – Судья будет вести процесс. Сначала – вступительное слово прокурора. Потом – допрос свидетелей обвинения: Игнат, Шаров-старший, возможно, директор школы. Потом – свидетели защиты: Настя, Кирилл, Полина Андреевна. Потом – допрос экспертов: Зиновьев и Волин. Потом – прения. И последнее слово Алексея.

– Что мне говорить? – спросил Алексей.

– Правду. Только правду. Коротко. Без лишних эмоций. «Я не хотел причинить вред. Я хотел, чтобы нападение пре-

кратилось. Я защищался». Три фразы. И всё.

– Я запомню.

– Анна Викторовна, Игорь Петрович, – Горелова повернулась к родителям, – вы будете сидеть в зале. Вас могут вызывать для дачи показаний как законных представителей. Отвечайте честно, но коротко. Не давите на суд. Не плачьте. Судья этого не любит.

Анна Викторовна сжала платок в руке.

– Я постараюсь.

– И ещё. – Горелова обвела всех взглядом. – В зале будут родители Шарова. Они будут смотреть на вас. Они будут злиться. Это нормально. Не вступайте с ними в конфликт. Не отвечайте на провокации. Ваша задача – не доказать им, что вы правы. Ваша задача – помочь суду принять справедливое решение. Всё понятно?

Все кивнули.

– Тогда до пятого декабря. Отдыхайте. Набирайтесь сил.

Она проводила их до двери. Когда Алексей проходил мимо, она тронула его за плечо:

– Ты готов?

– Готов.

– Тогда всё будет хорошо.

Ночь на пятое декабря Алексей почти не спал.

Он лежал в темноте и смотрел в потолок. Думал о завтрашнем дне. О судье. О прокуроре. О родителях Шарова, которые будут сидеть напротив. О Насте, которая будет да-

вать показания. О Кирилле, которому хватило смелости сказать правду.

Он думал о том, что скажет в последнем слове. «Я не хотел». «Я защищался». «Я хотел, чтобы нападение прекратилось».

Он повторял эти слова снова и снова, как молитву.

За окном выл ветер. Где-то вдалеке, на Северной Двине, гудел ледакол – низкий, протяжный звук, похожий на стон. Архангельск спал, укрытый снегом.

Алексей закрыл глаза. Завтра всё решится.

ГЛАВА 3.1. «ВСТАТЬ, СУД ИДЁТ»

Пятое декабря. Архангельск.

Снег шёл всю ночь, и к утру город укутался в белое. Сугробы лежали на карнизах старых домов, на ветвях тополей, на бронзовом Ломоносове у университета. Дворники не справлялись, и машины ползли по улицам медленно, как сонные рыбы.

Алексея разбудили в шесть утра. Мать уже не спала – сидела на кухне, пила чай, смотрела в одну точку. Отец ходил из угла в угол, проверял документы, хотя проверил их ещё вчера.

В восемь приехала Горелова.

– Пора, – сказала она.

Они вышли втроём: Алексей, мать, отец. Во дворе их ждала машина Гореловой – «Фольксваген», который она водила аккуратно, почти педантично. Сели. Поехали.

Здание Октябрьского районного суда находилось на Набережной Северной Двин – светлое, монументальное. У крыльца уже была съёмочная группа – дело получило огласку. «Подросток, защищавшийся от травли, едва не убил обидчика». «Жертва или преступник?». «Школьный буллинг дошёл до суда».

Горелова поморщилась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.